

84(4)

Ш 44

Издание товарищества „ЗНАНИЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

Шелли.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Лирическая драма.

Съ англійскаго.

Переводъ К. Д. Бальмонта.

Въ стихахъ.

Цена 50 коп.

СПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

16/11/2

6/11

8/11

Nº

1846--

1846

14

И (анг) X
И 44

Издание товарищества „ЗНАНИЕ“ (СПБ., Невский, 92).

Район
б. н. н.
ЛТД.
А-М-44
Шелли.

421

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Лирическая драма.

Съ англійскаго

~~Съ англійскаго~~
~~Съ англійскаго~~

Переводъ К. Д. Бальмонта.

Въ стихахъ.

Цена 50 коп.

ПРОВЕРЕНО

Центр писателя
В. И. Белова

книгохранения

р. 9920

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

136712 - 1904

МУК «ЦБС»
г. Вологда

212.691
ст. ВОЛОГДА-ВОЗН.
М. Д. С.

19862
99

Учет 1935 г.

К 26

84(4Вел) - 6

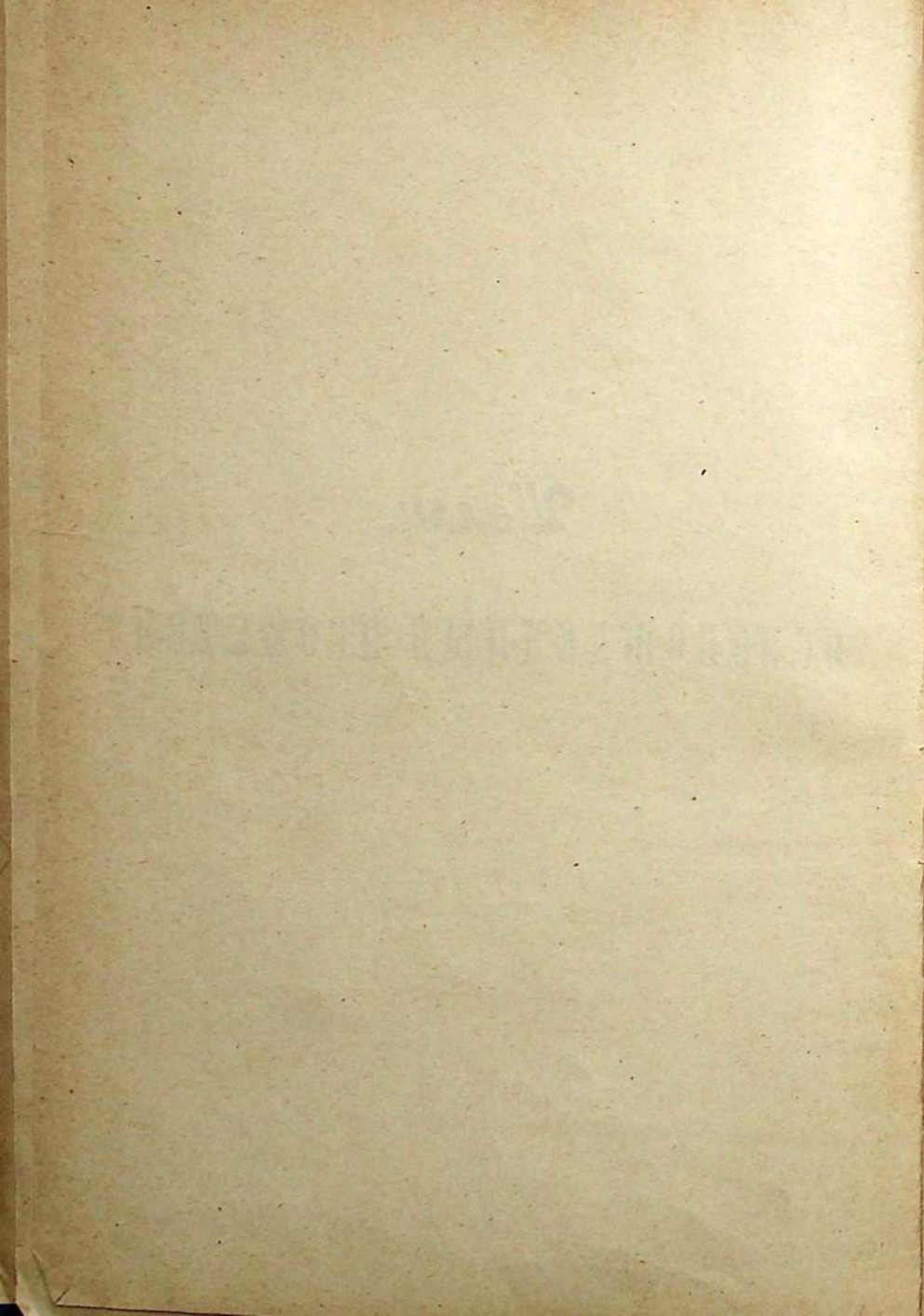
444

Дозволено цензурою Спб. 2-го Декабря 1903 г.

Типографія Монтвида, Конная улица, 3-5.

Шелли.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Греческіе трагики, заимствуя свои замыслы изъ отечественной исторіи или мифологіи, при разработкѣ ихъ соблюдали извѣстный сознательный произволь. Они отнюдь не считали себя обязанными держаться общепринятаго толкованія, или подражать, въ повѣствованіи и въ заглавіи, своимъ соперникамъ и предшественникамъ. Подобный пріемъ привелъ бы ихъ къ отреченію отъ тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя служили побудительнымъ мотивомъ для творчества, отъ желанія достигъ превосходства надъ своими сеперниками. Исторія Агамемнона была воспроизведена на Аѳинской сценѣ съ такимъ количествомъ видоизмѣненій, сколько было самыхъ драмъ.

Я позволилъ себѣ подобную же вольность. *Освобожденный Прометей* Эхила предполагалъ примиреніе Юпитера съ его жертвой, какъ отплату за разоблаченіе опасности, угрожавшей его власти отъ вступленія въ бракъ съ Гетидой. Согласно съ такимъ разсмотрѣніемъ замысла, Гетиды была дана въ супруги Пелею, а Прометей, съ соизволенія Юпитера, былъ освобожденъ изъ плѣна Геркулесомъ. Если-бъ я построилъ мой рассказъ по этому плану, я не сдѣлалъ бы ничего иного, кромѣ попытки возстановить утраченную драму Эхила, и если бы даже мое предпочтеніе къ этой формѣ разработки сюжета побудило меня лелѣть такой честолюбивый замыселъ, одна мысль о дерзкомъ сравненіи, которую вызвала бы подобная попытка, могла пресѣчь ее. Но, говоря правду, я испытывалъ отвращеніе къ такой слабой развязкѣ, какъ примиреніе Поборника челоувѣчества съ его Утѣсителемъ. Моральный интересъ вымысла, столь мощнымъ образомъ поддерживаемый страданіемъ и непреклонностью Прометея, исчезъ бы, если-бъ мы могли себѣ представить, что онъ

отказался отъ своего гордаго языка и робко преклонился передъ торжествующимъ и коварнымъ противникомъ. Единственное созданіе воображенія, сколько-нибудь похожее на Прометея, это Сатана, и на мой взглядъ Прометей представляетъ изъ себя болѣе поэтической характеръ, чѣмъ Сатана, такъ какъ, — не говоря уже о храбрости, величіи и твердомъ сопротивленіи всемогущей силѣ, — его можно представить себѣ лишеннымъ тѣхъ недостатковъ честолюбія, зависти, мстительности, и жажды возвеличенія, которые въ Героѣ *Потеряннаго Рая* вступаютъ во вражду съ интересомъ. Характеръ Сатаны порождаетъ въ умѣ вредную казуистику, заставляющую насъ сравнивать его ошибки съ его несчастіями и извинять первыя потому, что вторыя превышаютъ всякую мѣру. Въ умахъ тѣхъ, кто разсматриваетъ этотъ величественный замыселъ съ религіознымъ чувствомъ, онъ порождаетъ нѣчто еще худшее. Между тѣмъ Прометей является типомъ высшаго нравственнаго и умственнаго совершенства, повинующимся самымъ чистымъ, безкорыстнымъ побужденіямъ, которыя ведутъ къ самымъ прекраснымъ и самымъ благороднымъ дѣламъ.

Данная поэма почти цѣликомъ была написана на горныхъ развалинахъ Термъ Каракаллы, среди цвѣтущихъ прогалинъ и густыхъ кустарниковъ, покрытыхъ пахучими цвѣтами, что распространяются въ видѣ все болѣе и болѣе запутанныхъ лабиринтовъ по огромнымъ террасамъ и головокружительнымъ аркамъ, висящимъ въ воздухѣ. Яркое голубое небо Рима, вліяніе пробуждающейся весны, такой могучей въ этомъ божественномъ климатѣ, и новая жизнь, которой она омыняетъ душу, были вдохновеніемъ этой драмы.

Образы, разработанные мною здѣсь, во многихъ случаяхъ извлечены изъ области движеній человѣческаго ума, или изъ области тѣхъ вѣншихъ дѣйствій, которыми они выражаются. Въ современной поэзіи это приѣмъ необычный, хотя Данте и Шекспиръ полны подобныхъ примѣровъ, — и Данте болѣе, чѣмъ кто-либо другой, и съ наибольшимъ успѣхомъ, прибѣгалъ къ данному приѣму. Но греческіе поэты, какъ писатели, знавшіе рѣшительно о всѣхъ средствахъ пробужденія сочувствія въ сердцахъ современниковъ, пользовались этимъ сильнымъ рычагомъ часто. Пусть же мои читатели припишутъ эту особенность изученію созданій Эллады, потому что въ какой-нибудь другой, болѣе высокой, заслугѣ мнѣ, вѣроятно, будетъ отказано.

Я долженъ сказать нѣсколько чистосердечныхъ словъ относительно той степени, въ которой изученіе современныхъ произведеній могло повліять на мою работу, ибо именно такой упрекъ дѣлался относительно поэмы гораздо болѣе извѣстныхъ, чѣмъ моя, и, несомнѣнно, заслуживающихъ гораздо большей извѣстности. Невозможно, чтобы человѣкъ, живущій въ одну эпоху съ такими писателями, какъ тѣ, что стоятъ въ первыхъ рядахъ нашей литературы, могъ добросовѣстно утверждать, будто его языкъ и направленіе его мыслей могли не претерпѣть измѣненій отъ изученія созданій этихъ исключительныхъ умовъ. Достоверно, что если не характеръ ихъ генія, то формы, въ которыхъ онъ сказался, обязаны не столько ихъ личнымъ особенностямъ, сколько особенностямъ моральнаго и интеллектуальнаго состоянія тѣхъ умовъ, среди которыхъ они создались. Извѣстное число писателей такимъ образомъ обладаетъ внѣшней формой, но имъ недостаетъ духа тѣхъ, кому будто бы они подражаютъ; дѣйствительно, форма есть какъ бы принадлежность эпохи, въ которую они живутъ, а духъ долженъ являться самопроизвольною всышкой ихъ собственнаго ума.

Особенный стиль, отличающій современную Англійскую литературу,—напряженная и выразительная фантастичность,—если его разсматривать, какъ силу общую, не былъ результатомъ подражанія какому-нибудь отдѣльному писателю. Масса способностей во всякій періодъ остается, въ сущности, одной и той же; обстоятельства, пробуждающія ее къ дѣятельности, непрерывно мѣняются. Если-бъ Англія была раздѣлена на сорокъ республикъ, причемъ каждая по размѣрамъ и населенію равнялась бы Аѳинамъ, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что, при учрежденіяхъ не болѣе совершенныхъ, чѣмъ учрежденія Аѳинскія, каждая изъ этихъ республикъ создала бы философовъ и поэтовъ равныхъ тѣмъ, которые никогда не были превзойдены, если только мы исключимъ Шекспира. Великимъ писателямъ золотого вѣка нашей литературы мы обязаны пламеннымъ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія, низвергнувшимъ наиболѣе старыя и наиболѣе притѣснительныя формы ортодоксальныхъ предразсудковъ. Милтону мы обязаны ростомъ и развитіемъ того же самаго духа: пусть вѣчно помнить, что священный Милтонъ былъ республиканцемъ и смѣлымъ изслѣдователемъ въ области морали и религіи.

Великіє писатели нашей собственной эпохи, какъ мы имѣемъ основаніе предполагать, являются создателями и предшественниками какой-то неожиданной переменѣ въ условіяхъ нашей общественной жизни, или въ мнѣніяхъ, являющихся для нихъ цементомъ. Умы сложились въ тучу, она разряжается своей многосложной молніей. и равновѣсіе между учрежденіями и мнѣніями теперь возстановляется, или близко къ возстановленію.

Что касается подражанія, поэзія есть искусство мимическое. Она создаетъ, но она создаетъ посредствомъ сочетаній и изображеній. Поэтическія отвлеченія прекрасны и новы, не потому, что составныя ихъ части не имѣли предварительнаго существованія въ умѣ человѣка или въ природѣ, а потому, что все въ цѣломъ, будучи создано ихъ сочетаніемъ, даетъ нѣкоторую мыслимую и прекрасную аналогію съ этими источниками мысли и чувства, и съ современными условіями ихъ развитія: великій поэтъ представляетъ изъ себя образцовое созданіе природы, и другой поэтъ не только долженъ его изучать, но и непременно изучаетъ. Если-бъ онъ рѣшился исключить изъ своего созерцанія все прекрасное, что существуетъ въ произведеніяхъ какого-нибудь великаго современника, это было бы такъ же неразумно и такъ же трудно, какъ приказать своему уму не быть болѣе зеркаломъ всего прекраснаго, что есть въ природѣ. Такая задача была бы пустымъ притязаніемъ для каждаго, кромѣ самаго великаго, и даже у него въ результатѣ получились бы напряженность, неестественность и безспіе. Поэтъ представляетъ изъ себя сочетаніе извѣстныхъ внутреннихъ способностей, измѣняющихъ природу другихъ, и извѣстныхъ вѣншихъ вліяній, возбуждающихъ и поддерживающихъ эти способности; онъ является такимъ образомъ олицетвореніемъ не одного недѣлимаго, а двухъ. Въ этомъ отношеніи каждый человѣческій умъ измѣняется подъ воздѣйствіемъ всѣхъ предметовъ природы и искусства, подъ воздѣйствіемъ всякаго слова, всякаго внушенія, которому онъ позволилъ вліять на свое сознаніе; онъ — какъ зеркало, гдѣ отражаются всѣ формы, сочетаясь въ одну. Поэты, такъ же какъ философы, живописцы, ваятели и музыканты, являются въ одномъ отношеніи творцами своей эпохи, въ другомъ — ея созданіями. Отъ такой подчиненности не могутъ уклониться даже высшіе умы. Есть извѣстное сход-

ство между Гомеромъ и Гезіодомъ, Эхиломъ и Эврипидомъ, Виргиліемъ и Горациемъ, Данте и Петраркой, Шекспиромъ и Флетчеромъ, Драйденомъ и Попомъ; въ каждомъ изъ нихъ есть общая родовая черта, подъ господствомъ которой образуются ихъ личные особенности. Если такое сходство есть слѣдствіе подражанія, охотно признаюсь, что я подражалъ.

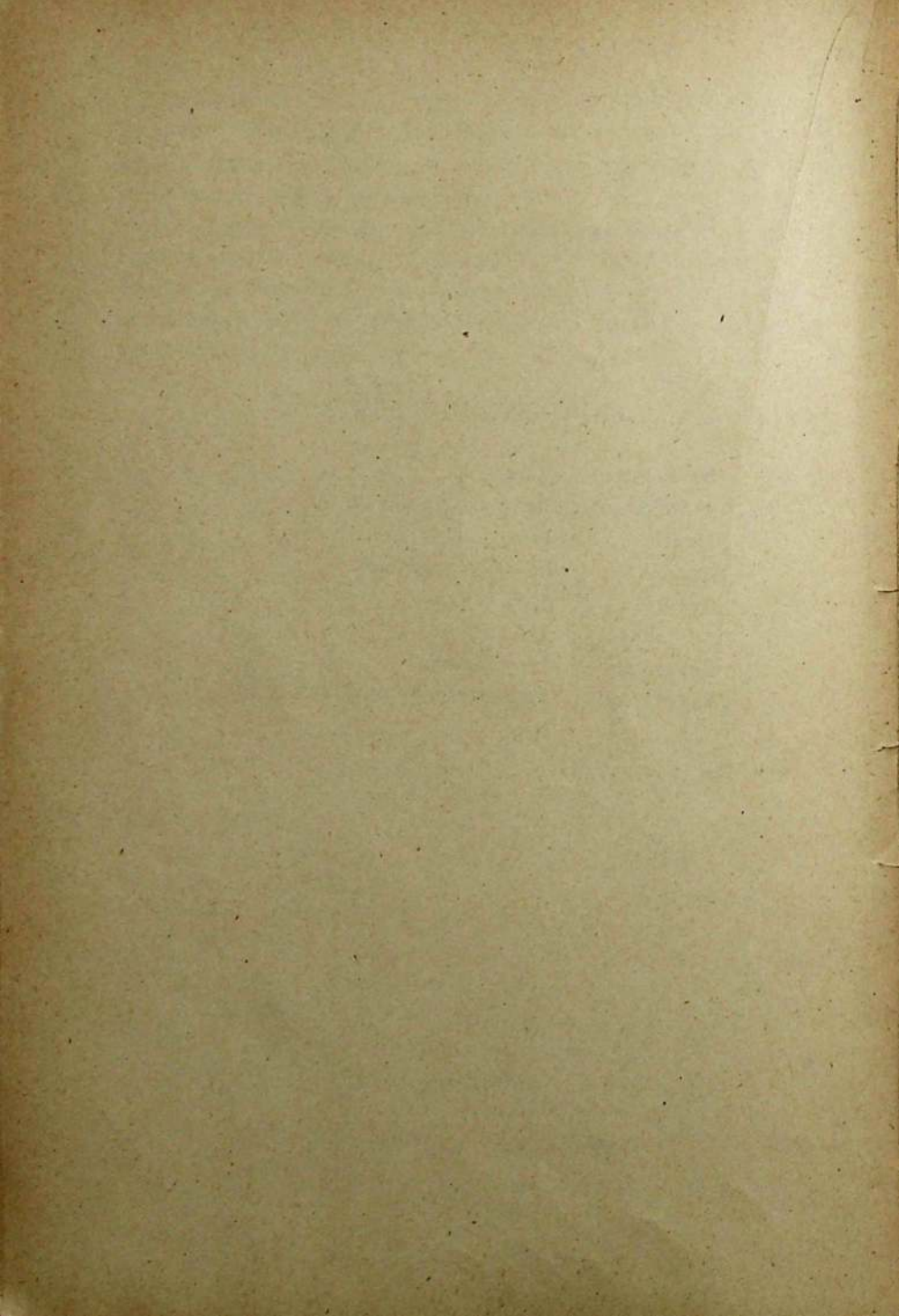
Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать, что мною руководило чувство, которое Шотландскій философъ весьма мѣтко опредѣлилъ, какъ „страстное желаніе преобразовать міръ“. Какая страсть побуждала его написать и опубликовать свою книгу, этого онъ не объясняетъ. Что касается меня, я предпочелъ бы скорѣе быть осужденнымъ вмѣстѣ съ Платономъ и Лордомъ Вэкономъ, чѣмъ быть въ Небесахъ вмѣстѣ съ Палеемъ и Мальтусомъ. Однако, было бы ошибкой предполагать, что я посвящаю мои поэтическія произведенія единственной задачѣ — усиловать непосредственно духъ преобразованій, или что я смотрю на нихъ, какъ на произведенія, въ той или иной степени содержащія какую-нибудь, созданную разсудкомъ, схему человѣческой жизни. Дидактическая поэзія мнѣ отвратительна; то, что можетъ быть одинаково хорошо выражено въ прозѣ, въ стихахъ является претенціознымъ и противнымъ. Моею задачею до сихъ поръ было — дать возможность наиболѣе избранному классу читателей съ поэтическимъ вкусомъ обогатить утонченное воображеніе идеальными красотами нравственного превосходства; я знаю, что до тѣхъ поръ пока умъ не научится любить, преклоняться, вѣрить, надѣяться, добиваться, разсудочныя основы моральнаго поведенія будутъ сѣменами, брошенными на торную дорогу жизни, и беззаботный путникъ будетъ топтать ихъ, хотя они должны были бы принести для него жатву счастья. Если-бъ мнѣ суждено было жить для составленія систематическаго повѣствованія о томъ, что представляется мнѣ неподдѣльными элементами человѣческаго обществія, защитники несправедливости и суевѣрія не могли бы льстить себя тою мыслью, будто Эхила я беру охотнѣе своимъ образцомъ, нежели Платона.

Говоря о себѣ съ свободой, чуждой аффектаціи, я не нуждаюсь въ самозащитѣ передъ лицомъ людей чистосердечныхъ; что касается иныхъ, пусть они примутъ во вниманіе, что, искажая вещи, они

оскорбятъ не столько меня, сколько свой собственный умъ и свое собственное сердце. Какимъ бы талантомъ ни обладалъ человѣкъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, онъ обязанъ имъ пользоваться, разъ этотъ талантъ можетъ сколько-нибудь служить для развлечения и поученія другихъ: если его попытка окажется неудавшейся, несовершенная задача будетъ для него достаточнымъ наказаніемъ; пусть же никто не утруждаетъ себя, громозди надъ его усиліями прахъ забвенія; куча пыли въ этомъ случаѣ укажетъ на могилу, которая иначе осталась бы неизвѣстной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прометей.	Азія.	} Океаниды.
Демогоргонъ.	Пантея.	
Юпитеръ.	Іона.	
Земля.	Призракъ Юпитера.	
Океанъ.	Духъ Земли.	
Аполлонъ.	Духъ Луны.	
Меркурій.	Духи Часовъ.	
Геркулесъ.	Духи, Отзвуки Эхо, Фавны, Фурии.	

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: Индійскій Кавказъ, ущелье среди скалъ, покрытыхъ льдомъ. Надъ пропастью прикованъ Прометей. Пантея и Іона сидятъ у его ногъ. — Ночь.

По мѣрѣ развитія сцены медленно занимается разсвѣтъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Монархъ Боговъ и Демоновъ могучихъ,
Монархъ всѣхъ Духовъ, кромѣ Одного!
Передъ тобой—блестящія свѣтила,
Несчетные летучіе міры;
Изъ всѣхъ, кто живъ, кто дышетъ, только двое
На нихъ глядятъ безсонными очами:
Лишь ты и я! Взгляни съ высотъ на Землю,
Смотри, тамъ нѣтъ числа твоимъ рабамъ.
Но что-жь ты имъ даешь за ихъ молитвы,
За всѣ хвалы, колѣнопреклоненья,
За гекатомбы гибнущихъ сердець?
Презрѣнье, страхъ, бесплодную надежду.
И въ ярости слѣпой ты мнѣ, врагу,
Даль царствовать въ триумфѣ безконечномъ
Надъ собственнымъ моимъ несчастьемъ горькимъ,
Надъ местию неудавшейся твоей.
Три тысячи какъ будто вѣчныхъ лѣтъ,
Исполненныхъ безсонными часами,
Мгновеньями такихъ жестокихъ пытокъ,
Что каждый мигъ казался дольше года,—
Сознаніе, что нѣтъ нигдѣ пріюта,
И боль тоски, отчаянье, презрѣнье—

Вотъ царство, гдѣ царить досталось мнѣ.
 Въ немъ больше славы, вѣчной и лучистой,
 Чѣмъ тамъ, гдѣ ты царишь на пышномъ тронѣ,
 Котораго я не взялъ бы себѣ.
 Могучій Богъ, ты былъ бы Всемогущимъ,
 Когда бы я съ тобою сталъ дѣлать
 Позоръ твоей жестокой тиранніи,
 Когда бы здѣсь теперь я не висѣлъ,
 Прикованный къ стѣнѣ горы гигантской,
 Смыющейся надъ дерзостью орла;
 Безмѣрной, мрачной, мертво-холодной,
 Лишенной травъ, животныхъ, насѣкомыхъ,
 И формъ и звуковъ жизни. Горе мнѣ!
 Тоска! Тоска всегда! Тоска навѣки!

Ни отдыха, ни проблеска надежды,
 Ни ласки сна! И все же я терплю.
 Скажи, Земля, граниту горъ не больно?
 Ты, Небо, ты, всевидящее Солнце,
 Скажите, эти пытки вамъ не видны?
 Ты, Море, область бурь и тихихъ сновъ,
 Небесъ далекихъ зеркало земное,
 Скажи, ты было глухо до сихъ поръ,
 Не слышало стонахъ агоніи?
 О, горе мнѣ! Тоска! Тоска навѣки!

Меня тѣснятъ враждебно ледники,
 Пронзаютъ остріемъ своихъ кристалловъ,
 Морозно-лунныхъ; цѣпи, точно змѣи,
 Вѣдаются, сжимаютъ до костей
 Объятіемъ—и жгучимъ, и холоднымъ.
 Нѣмыхъ Небесъ крылатая собака
 Нечистымъ клювомъ, дышущимъ отравой,
 Огнями яда, даннаго тобою,
 Въ груди моей на части сердце рветъ;
 И полчища видѣній безобразныхъ,

Исчадія утрюмой сферы сновъ,
 Вокругъ меня собирается съ насмѣшкой;
 Землетрясенія демонамъ свирѣлымъ
 Довѣрена жестокая забава—
 Изъ ранъ моихъ дрожащихъ дергать гвозди,
 Когда за мной стѣна бездушныхъ скалъ
 Раздвинется, чтобъ тотчасъ вновь сомкнуться;
 Межъ тѣмъ какъ духи бурь изъ безднъ гудящихъ
 Торопятъ дикимъ воемъ ярость вихря,
 Бѣгутъ, спѣшатъ нестройною толпой,
 И бьютъ меня, и хлещутъ острымъ градомъ.

И все же мнѣ желанны день и ночь,
 Блѣднѣетъ ли туманъ сѣдого утра,
 Покорный свѣту солнечныхъ лучей,
 Восходитъ ли по тусклому Востоку,
 Межъ тучъ свинцовыхъ, Ночь въ одеждѣ звѣздной,
 Медлительна и грустно-холодна,—
 Они влекутъ семью часовъ безкрылыхъ,
 Ползучую лѣнивую толпу,
 И между ними будетъ часъ урочный,
 Тебя онъ свергнетъ, яростный Тиранъ,
 И вынудитъ—стереть лобзаньемъ жаднымъ
 Потоки крови съ этихъ блѣдныхъ ногъ,
 Хотя они тебя топтать не будутъ,
 Такимъ рабомъ потеряннымъ гнушаясь.
 Гнушаясь? Нѣтъ, о, нѣтъ! Мнѣ жаль тебя.
 Какъ будешь ты ничтожно-беззащитенъ,
 Какая гибель будетъ властно гнать
 Отверженца въ бездонныхъ сферахъ Неба!
 Твоя душа, растерзанная страхомъ,
 Откроется, зіяя точно адъ!
 Въ моихъ словахъ нѣтъ гнѣва, много скорби,
 Ужъ больше я не въ силахъ ненавидѣть:
 Сквозь тьму скорбей я къ мудрости пришелъ.
 Когда-то я дышалъ проклятьемъ страшнымъ,

Теперь его хотѣлъ бы я услышать,
 Чтобъ взять его назадъ. Внемлите, Горы,
 Чье Эхо чары горькаго проклятья
 Разсыпало, развѣяло кругомъ,
 Гремя стозвучно въ хорѣ водопадовъ!
 О, льдистые холодные Ключи,
 Покрытые морщинами Мороза,
 Вы дрогнули, услышавши меня,
 И съ трепетомъ тогда сползя съ утесовъ,
 По Индѣи поспѣшно потекли!
 Ты, ясный Воздухъ, гдѣ блуждаетъ Солнце,
 Пылая безъ лучей! И вы, о Вихри,
 Безгласно вы повисли между скалъ,
 Съ безжизненно-застывшими крылами,
 Вы замерли надъ пропастью притихшей,
 Межъ тѣмъ какъ громъ, что былъ сильный, чѣмъ вашъ,
 Заставилъ мѣръ земной дрожать со стономъ!
 О, если тѣ слова имѣли власть,—
 Хоть зло во мнѣ теперь навѣкъ погасло,
 Хоть ненависти собственной моей
 Я болѣе не помню,—все-жъ прошу васъ,
 Молю, не дайте имъ теперь погибнуть!
 Въ чемъ было то проклятіе? Скажите!
 Вы слушали, вы слышали тогда!

первый голосъ: изъ горъ.

Много дней и ночей, трижды триста вѣковъ
 Наполнялись мы лавой кипучей,
 И, какъ люди, подъ бременемъ тяжкихъ оковъ,
 Содрогались толпою могучей.

второй голосъ: отъ источниковъ.

Нашъ пронзали стремительныхъ молній огни,
 Осквернялись мы горькою кровью.
 И внимали стенаньямъ свирѣпой рѣзни,
 И дивились людскому злословью.

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ: ИЗЪ ВОЗДУХА.

Съ первыхъ дней бытія надъ землею молодой
Я блистала по высотамъ и склонамъ,
И не разъ и не два мой покой золотой
Былъ смущенъ укоризненнымъ стономъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОСЪ: ОТЪ ВИХРЕЙ.

У подножія горъ мы крутились вѣка,
Мы внимали громовымъ ударамъ.
И смотрѣли, какъ лавы несется рѣка
Изъ вулкановъ, объятыхъ пожаромъ.
Не умѣли молчать и, чтобъ вѣчно звучать,
Мы желаньемъ ломали Безмолвья печать,
Отдаваясь ликующимъ чарамъ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Но лишь однажды ледники
До основанья пошатнулись,
Когда мы съ ужасомъ согнулись
Въ отвѣтъ на крикъ твоей тоски.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Всегда стремясь къ пустынь Моря,
Одинъ лишь разъ во тьмѣ время
Промчали мы протяжный стонъ
Нечеловѣческаго горя.
И вотъ морякъ, на днѣ лады
Лежавшій въ сонномъ забытѣи,
Услышалъ ревъ пучины шумной,
Вскочилъ,—и, вскрикнувъ: «Горе мнѣ!»—
Онъ въ Море бросился, безумный,
И скрылся въ черной глубинѣ.

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ.

Внимая страшнымъ заклинаньямъ,
Былъ такъ истерзанъ сводъ Небесъ,
Что между порванныхъ завѣсь

Рыданья вторили рыданьямъ;
 Когда жъ лазурь сомкнулась вновь,
 По небу выступила кровь.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОСЪ.

А мы ушли къ высотамъ спящимъ
 И тамъ дыханьемъ леденящимъ
 Сковали шумный водопадъ;
 Въ пещеры льдистыя бѣжали
 И тамъ испуганно дрожали,
 Глядя впередъ, глядя назадъ;
 Отъ изумленья и печали,
 Мы все молчали, мы молчали,
 Хотя для насъ молчанье—адъ.

ЗЕМЛЯ.

Неровныхъ скалъ безгласныя Пещеры
 Тогда вскричали: «Горе!» Сводъ Небесъ
 Отвѣтилъ имъ протяжнымъ воплемъ: «Горе!»
 И волны Моря, пурпуромъ покрывшись,
 Карабкались на землю съ громкимъ воемъ,
 Толпа вѣтровъ хлестала ихъ бичомъ,
 И блѣдныя дрожащія народы
 Внимали долгій возгласъ: «Горе! Горе!»

ПРОМЕТЕЙ.

Я слышу смутный говоръ голосовъ,
 Но собственный мой голосъ дней далекихъ
 Не слышенъ мнѣ. О мать моя, зачѣмъ
 Глумишься ты съ толпой своихъ созданій
 Надъ тѣмъ, безъ чьей все выносящей воли
 Исчезла бъ ты съ семьей своихъ дѣтей
 Подъ бѣшенствомъ свирѣпаго Тирана,
 Какъ легкій дымъ незримо исчезаетъ,
 Развѣянный дыханіемъ вѣтровъ.
 Скажи мнѣ, вы не знаете—Титана,
 Кто въ горечи своихъ терзаній жгучихъ

Нашелъ преграду вашему врагу?
 Вы, горныя зеленныя долины,
 Источники, питаемые снѣгомъ,
 Чуть видныя глубоко подо мной,
 Лѣсовъ тѣнистыхъ смутныя громады,
 Гдѣ съ Азіей когда-то я бродилъ,
 Встрѣчая жизнь въ ея глазахъ любимыхъ,—
 Зачѣмъ теперь тотъ духъ, что васъ живить,
 Гнушается бесѣдовать со мною?
 Со мною, кто одинъ вступилъ въ борьбу
 И всталъ лицомъ къ лицу съ коварной силой
 Властителя заоблачныхъ высотъ,
 Насмѣшливо глядящаго на Землю,
 Гдѣ стопами измученныхъ рабовъ
 Наполнены безбрежныя пустыни.
 Зачѣмъ же вы безмолвствуете? Братья!
 Дадите ли отвѣтъ?

ЗЕМЛЯ.

Они не смѣютъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Но кто жь тогда посмѣетъ? Я хочу
 Опять услышать звуки заклинанья.
 А! Что за страшный шопотъ пробѣжалъ.—
 Встаетъ, растетъ! Какъ будто стрѣлы молній
 Дрожать, готовясь бурно разразиться.
 Стихійный голосъ Духа смутно шепчетъ,
 Онъ близится ко мнѣ, я съ нимъ сливаюсь.
 Скажи мнѣ, Духъ, какъ проклялъ я его?

ЗЕМЛЯ.

Какъ можешь ты услышать голосъ мертвыхъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Ты—Духъ живой. Скажи, какъ жизнь сама
 Сказала бы, веди со мной бесѣду.

ЗЕМЛЯ.

Я знаю рѣчь живыхъ, но я боюсь,—
 Жестокій Царь Небесъ меня услышитъ
 И въ ярости привяжетъ къ колесу
 Какой-нибудь свирѣпой новой пытки,
 Больнѣй, чѣмъ та, которую терплю.
 Въ тебѣ добро, ты можешь все постигнуть,
 Твоя любовь свѣтла,—и, если Боги
 Не слышать этотъ голосъ,—ты услышишь,
 Ты болѣе, чѣмъ Богъ,—ты мудрый, добрый:
 Такъ слушай же внимательно теперь.

ПРОМЕТЕЙ.

Какъ сумрачныя тѣни, быстрымъ роемъ,
 Въ моемъ умѣ встаютъ и таютъ мысли,
 И вновь трепещутъ страшною толпой.
 Я чувствую, что все во мнѣ смѣшалось,
 Какъ въ томъ, кто слился съ кѣмъ-нибудь въ объятии:
 Но въ этомъ нѣтъ восторга.

ЗЕМЛЯ.

Нѣтъ, о, нѣтъ,—
 Услышать ты не можешь, ты бессмертенъ,
 А эта рѣчь понятна только тѣмъ,
 Кто долженъ умереть.

ПРОМЕТЕЙ.

Печальный Голосъ!

Но кто же ты?

ЗЕМЛЯ.

Я мать твоя, Земля.

Та въ чреѣ груди, въ чихъ жилахъ каменистыхъ,
 Во вѣчнѣйшихъ фибрахъ,—до листовъ,
 Трепещущихъ на призрачныхъ вершинахъ
 Деревьевъ высочайшихъ,—билась радость,
 Какъ будто кровь въ живомъ и тепломъ тѣлѣ,
 Когда отъ этой груди ты воспрянулъ,

Какъ духъ кипучій радости живой,
 Какъ облако, пронизанное солнцемъ!
 И виявъ твой голосъ, всѣ мои сыны
 Приподняли измученныя лица,
 Покрытыя обычной грязной пылью,
 И нашъ Тиранъ, жестокий и всевластный,
 Въ испугѣ жгучемъ сталъ дрожать, блѣднѣть,
 Пока не грянулъ громъ ему въ защиту,
 И ты, Титанъ, прикованъ былъ къ скалѣ.
 И вотъ взгляни на эти миллионы
 Мировъ, что мчатся въ пляскѣ круговой,
 Со всѣхъ сторонъ пылая вѣчнымъ блескомъ:
 Ихъ жители, взирая на меня,
 Увидѣли, что свѣтъ мой гаснетъ въ Небѣ;
 И встало Море съ ропотомъ протяжнымъ,
 Приподнятое властью странной бури;
 И столбъ огня, невиданнаго прежде,
 Подъ гнѣвомъ Неба всталъ изъ снѣжныхъ горъ,
 Тряся своей мохнатой головою;
 Въ равнинахъ былъ Потопъ—и стрѣлы Молній,
 Цвѣли волчцы средь мертвыхъ городовъ;
 Въ чертогахъ жабы ползали, и пала
 Чума на человѣка и звѣрей
 И на червей, а съ ней явился Голодъ;
 И черный вередъ глянулъ на растеньяхъ;
 И тамъ, гдѣ прежде нѣжились хлѣба,
 И тамъ, гдѣ виноградникъ былъ и травы,
 Мелькнули ядовитые цвѣты,
 И сорною толпой зашевелились,
 И высосали грудь мою корнями,
 И грудь моя изсохла отъ тоски;
 Мое дыханье,—воздухъ утонченный,—
 Мгновенно потемнѣло, запятналось
 Той ненавистью жгучей, что возникла
 У матери къ врагу ея дѣтей,
 Къ врагу ея возлюбленнаго чада;

Отдел
 «Центр писателя»
 В.И. Белова

Вологодская
 гор. обл. ЦСЧ

Отдел
 «Центр писателя»
 В.И. Белова

136712-7
 96725
 8849-296744

Я слышала проклятіе твое,
 И если ты теперь его не помнишь,—
 Мои моря, пещеры, сонмы горъ,
 Мои ручьи, и тотъ далекій воздухъ,
 И вѣтры, и несчетныя громады
 Невнятно говорящихъ мертвецовъ
 Хранять его, какъ талисманъ завѣтный.
 Мы въ радованьи тайномъ размышляемъ,
 Надѣмся на страшныя слова,
 Но вымолвить не смѣемъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Мать моя!

Все, что живетъ, что бьется и страдаетъ,
 Находить утѣшенье у тебя,
 Цвѣты, плоды, и радостные звуки,
 И сладкую, хоть бѣглую, любовь;
 Не мой удѣлъ—извѣдать это счастье,
 Но я свои слова прошу назадъ,
 Отдай ихъ мнѣ, молю, не будь жестокой.

ЗЕМЛЯ.

Ты долженъ ихъ услышать. Такъ внимай же!
 Въ тѣ дни, какъ не былъ прахомъ Вавилонъ,
 Мой мудрый сынъ, кудесникъ Зороастръ,
 Въ саду блуждая, встрѣтилъ образъ свой.
 Изъ всѣхъ людей одинъ лишь онъ увидѣлъ
 Видѣніе такое. Знай, что есть
 Два міра: жизни міръ и блѣдной смерти.
 Одинъ изъ нихъ ты видишь, созерцаешь,
 Другой сокрытъ въ глубинахъ преисподнихъ,
 Въ туманномъ обиталищѣ тѣней
 Всѣхъ формъ, что дышутъ, чувствуютъ, и мыслятъ,
 Покуда смерть ихъ вмѣстѣ не сведетъ
 Навѣкъ туда, откуда нѣтъ возврата.
 Тамъ сны людей, ихъ свѣтлыя мечтанья,

И все, чему упорно сердце вѣрить,
 Чего надежда ждетъ, любовь желаетъ;
 Толпы видѣній, образовъ ужасныхъ,
 Возвышенныхъ, и странныхъ, и таящихъ
 Гармонію спокойной красоты:
 Въ тѣхъ областяхъ и ты висишь, какъ призракъ
 Страданьемъ искаженный, между горъ,
 Гдѣ бурные гнѣздятся ураганы;
 Всѣ боги тамъ, всѣ царственные силы
 Мировъ неизреченныхъ, сонмы духовъ,
 Тѣней огромныхъ, властью облеченныхъ,
 Герои, люди, звѣри; Демогоргонъ,
 Чудовищнаго мрака воплощенье;
 И онъ, Тиранъ верховный, на престолѣ
 Огнисто-золотомъ. Узнай, мой сынъ,
 Одинъ изъ этихъ призраковъ промолвить
 Слова проклятья, памятнаго всѣмъ,—
 Какъ только воззовешь протяжнымъ зовомъ,
 Свою ли тѣнь, Юпитера, Гадеса,
 Тифона, или тѣхъ Боговъ сильнѣйшихъ,
 Властителей дробящагося Зла,
 Что въ мірѣ распложаются обильно,
 Съ тѣхъ поръ какъ ты погибъ, со дня, какъ стонутъ
 Мои сыны, поруганныя чада.
 Спроси, они должны тебѣ отвѣтить,
 Спроси, и въ этихъ призракахъ безплотныхъ
 Отмщеніе Всевышняго забьется,—
 Какъ бурный дождь, гонимый быстрымъ вѣтромъ,
 Врывается въ покинутый чертогъ.

ПРОМЕТЕЙ.

О мать моя, хочу, чтобъ злое слово
 Не высказано было мной опять
 Иль кѣмъ-нибудь, въ комъ сходство есть со мною.
 Подобіе Юпитера, явись!

ИОНА.

Крылами скрыла я глаза,

Крылами мой окутанъ слухъ,—

Но чу! мнѣ слышится гроза,

Но вотъ! встанетъ какой-то Духъ.

Сквозь мягкихъ перьевъ бѣлизну

Я вижу темную волну,—

И свѣтъ потухъ;

О только-бъ не было вреда

Тебѣ, чьи боли намъ больны,

Чьи пытки видимъ мы всегда,

Съ кѣмъ мы страдать должны.

ПАНТЕА.

Подземный смерчъ гудитъ вокругъ,

Звучитъ гряда разбитыхъ горъ,

Ужасенъ Духъ, какъ этотъ звукъ,

На немъ изъ пурпура уборъ.

Своею жилистой рукой

Онъ держитъ посохъ золотой.

О, страшный взоръ!

Свирѣль огонь глубокихъ глазъ,

Тотъ свѣточъ ненависть загла,

Онъ точно хочетъ мучить насъ,

Но самъ не терпитъ зла.

ПРИЗРАКЪ ЮПИТЕРА.

Зачѣмъ сюда вѣлѣнье тайныхъ силъ,

Что властвуютъ надъ этимъ міромъ страннымъ

Въ раскатахъ бурь закинуло меня,

Непрочное пустое привидѣнье?

Вкругъ устъ моихъ какіе звуки рѣютъ?

Не такъ во мракѣ, блѣдными устами,

Толпа видѣній шепчетъ межъ собой.

И ты, скажи, страдалецъ гордый,—кто ты?

ПРОМЕТЕЙ.

Ужасный Образъ! Вотъ таковъ, какъ ты,
И онъ, Тиранъ свирѣпый, тотъ, чьей тѣнью
Ты долженъ быть. Я врагъ его, Титанъ.
Скажи слова, которыя услышать
Желать бы я, хотя глухой твой голосъ
Не будетъ отраженьемъ думъ твоихъ.

ЗЕМЛЯ.

Внимайте всѣ, сдержавши голосъ Эхо,
Сѣдя горы, древнѣе лѣса,
Семья ручьевъ, цвѣтами окруженныхъ,
Пророческихъ пещеръ, ключей, бѣгущихъ
Вкругъ пышныхъ островковъ,—ликуйте всѣ,
Внимая звукамъ страшнаго заклатья,
Котораго не можете сказать.

ПРИЗРАКЪ ЮПИТЕРА.

Какой-то духъ, меня своею силой
Окутавши, бесѣдуетъ во мнѣ.
Онъ рветъ меня, какъ тучу—стрѣлы молній.

ПАНТЕЯ.

Смотрите! онъ глядитъ могучимъ взглядомъ.
Надъ нимъ темнѣетъ Небо.

ІОНА.

Если бъ скрыться!
Куда бы скрыться мнѣ! Онъ говорить.

ПРОМЕТЕЙ.

Въ его движеньяхъ, гордыхъ и холодныхъ,
Проклятiе сквозитъ. Я вижу взоры,
Въ нихъ свѣтится безстрашный вызовъ, твердость.
Отчаянье и ненависть,—и все
Какъ будто бы записано на свиткѣ.
О, говори, скорѣе говори!

ПРИЗРАКЪ.

Заклятый врагъ! Свирѣпствуй! Будь готовъ
 Исчерпать все, безумство, злобу, страсти;
 Тиранъ Людского рода и Боговъ,—
 Есть духъ одинъ, что выше дикой власти.
 Я здѣсь! Смотри! Вичуй меня
 Морозомъ, язвою огня,

Громи вѣтрами, градомъ, бурей,
 Какъ вѣстникъ ужаса приди,
 За болью боль нагромози,
 Гони ко мнѣ скорѣй толпу голодныхъ фурій!

А! Сдѣлай все! Тебѣ запрета нѣтъ.
 Ты всемогущъ,—собой лишь не владѣешь,
 Да тѣмъ, что я хочу. Источникъ бѣды!
 Ты бременемъ надъ міромъ тяготеешь.

Пытай на медленномъ огнѣ
 Меня и всѣхъ, кто дорогъ мнѣ;
 Гонимый злобой вѣроломной,
 Достигни грани роковой,
 А я, съ поднятой головой,

Взгляну, какъ будешь ты гремѣть изъ тучи темной.

Но помни, Богъ и Царь среди Боговъ,
 Ты, чьей душой исполненъ міръ мученій,
 Ты, правящій подъ громкій звонъ оковъ,
 И жаждущій колѣнопреклоненій,

Тебя, мучитель, проклялъ я,
 Съ тобою ненависть моя,
 Она тебя отравитъ ядомъ,
 Вънецъ, въ которомъ будетъ зло,
 Тебѣ надѣнетъ на чело,

На тронѣ золотомъ съ тобою сядетъ рядомъ.

Будь проклятъ! Знай: тебѣ придетъ пора.
 Одинъ, ты встрѣтишь вражескую Вѣчность,

И, зло любя, познаешь власть добра,
Извѣдаешь мученій безконечность.

Да будетъ! Дѣлай зло—и жди,
Потомъ къ возмездію приди,—

Лишенный царскаго убранства,
Исчерпавъ бѣшенство и ложь,
Позорнымъ плѣнникомъ падешь,

Въ безбрежности времянь, въ безбрежности пространства.

ПРОМЕТЕЙ.

Скажи, о Мать, мои слова то были?

ЗЕМЛЯ.

Твои слова.

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ жаль. Они безплодны.

Я не хочу, чтобъ кто-нибудь страдать.

ЗЕМЛЯ.

О, гдѣ для горя взять мнѣ силъ!

Теперь Юпитеръ побѣдилъ.

Ревн, гремучій Океанъ!

Поля, покройте кровью ранъ!

О Духи мертвыхъ и живыхъ,

Рыдайте въ мукахъ огневыхъ,

Земля отвѣтитъ вамъ на стонъ,—

Кто былъ защитой вамъ, разбить и побѣжденъ!

ПЕРВОЕ ЭХО.

Разбить и побѣжденъ!

ВТОРОЕ ЭХО.

И побѣжденъ!

ІОНА.

Не бойтесь: это лишь порывъ,

Титанъ еще не побѣжденъ;

Но тамъ, взгляните за обрывъ,

За снѣжный горный склонъ:

Воздушный Призракъ тамъ спѣшитъ,
 Подъ нимъ лазурь Небесъ дрожитъ,
 Крутится тучекъ длинный рядъ;
 Блестя отдѣлкой дорогой,
 Его сандалии горятъ;
 Подъятой правою рукой
 Какъ будто онъ грозитъ,—и въ ней
 Сверкаетъ жезлъ, и вокругъ жезла
 То меркнетъ свѣтъ, то вспыхнетъ мгла,—
 Играютъ кольца змѣй.

ПАНТЕЯ.

Юпитера герольдъ, спѣшитъ Меркурій.

ІОНА.

А тамъ за нимъ? Несчетная толпа,—
 Видѣнія съ желѣзными крылами,
 Съ кудрями гидры,—вотъ, они плывутъ,
 Ихъ воплями смущенъ далекій воздухъ,
 И гнѣвный Богъ, нахмурившись, грозитъ имъ.

ПАНТЕЯ.

Юпитера прожорливые псы,
 Въ раскатахъ бурь бѣгущія собаки,
 Которыхъ онъ накармливаетъ кровью,
 Когда несется въ сѣрныхъ облакахъ,
 Предѣлы Неба громомъ разрывая.

ІОНА.

Куда-жь они теперь спѣшатъ
 Неисчислимыми толпами?
 Покинувъ пытокъ темный адъ,
 Питаться новыми скорбями!

ПАНТЕЯ.

Титанъ глядитъ не гордо, но спокойно.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

А! Запахъ жизни здѣсь я слышу!

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Дай мнѣ

Лишь заглянуть въ лицо ему!

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Надежда

Его терзать мнѣ сладостна, какъ мясо
Гниющихъ тѣлъ на стихшемъ полѣ битвы
Для хищныхъ птицъ.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Еще ты будешь медлить,
Герольдъ! Впередъ, смѣлѣй, Собаки Ада!
Когда же Майи сынъ намъ пищу дастъ?
Кто можетъ Всемогущему надолго
Угоднымъ быть?

МЕРКУРІЙ.

Назадъ! къ желѣзнымъ башнямъ!

Голодными зубами скрежещите
Вблизи потока воплей и огня!
Ты, Геріонъ, возстань! Приди, Горгона!
Химера, Сфинксъ, изъ демоновъ хитрѣйшій,
Что Оивамъ далъ небесное вино,
Отравленное ядомъ,—дать уродство
Чудовищной любви, страшнѣйшей злобы:
Они за васъ свершатъ задачу вашу.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

О, сжался, сжался! Мы умремъ сейчасъ
Отъ нашего желанья, Не гони насъ.

МЕРКУРІЙ.

Тогда лежите смирно и молчите.—
Страдалецъ грозный, я къ тебѣ пришелъ
Безъ всякаго желанья, противъ воли,
Иду, гонимый тягостнымъ велѣньемъ
Всевышняго Отца, дабы свершить

Замышленную пытку новой мести.
 Мнѣ жаль тебя, себя я ненавижу
 За то, что сдѣлать большаго не въ силахъ.
 Увы, едва вернусь я отъ тебя,
 Какъ Небо представляется мнѣ Адомъ,—
 И день и ночь преслѣдуетъ меня
 Измученный, истерзанный твой образъ,
 Съ улыбкой укоризненной. Ты—мудрый,
 Ты—кроткій, добрый, твердый,—но зачѣмъ же
 Напрасно ты упорствуешь одинъ
 Въ борьбѣ со Всемогущимъ? Иль не видишь,
 Что яркіе свѣтильники небесъ,
 Медлительное время измѣряя,
 Тебѣ гласятъ о тщетности борьбы,
 И будутъ вновь и вновь гласить все то же.
 И вотъ опять Мучитель твой, задумавъ
 Тебя подвергнуть пыткамъ, страшной властью
 Облекъ тѣ силы злыя, что въ Аду
 Неслыханныя муки измышляютъ.
 Мой долгъ—вести сюда твоихъ враговъ,
 Нечистыхъ, ненасытныхъ, изощренныхъ
 Въ свирѣпости,—и здѣсь оставить ихъ.
 Зачѣмъ, зачѣмъ? Вѣдь ты же знаешь тайну,
 Сокрытую отъ всѣхъ живыхъ существъ,
 Способную исторгнуть власть надъ Небомъ
 Изъ рукъ того, кто ею облеченъ,
 И дать ее другому; этой тайны
 Страшится нашъ верховный Повелитель:
 Одѣнь ее въ слова, и пусть она
 Придетъ къ его стопамъ, какъ твой заступникъ;
 Склони свой духъ къ мольбѣ, и будь какъ тотъ,
 Кто молится въ великолѣпномъ храмѣ,
 Согнувъ колѣна, гордость позабывъ:
 Ты знаешь, что даянье и покорность
 Смиряютъ самыхъ дикихъ, самыхъ сильныхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Злой умъ мѣняетъ доброе согласно
 Своей природѣ. Кто его облекъ
 Могучей властью? Я! А онъ въ оплату
 Меня сковаль на мѣсяцы, на годы,
 На долгіе вѣка,—и Солнце жжетъ
 Исохшую, израненную кожу,—
 И холодъ Ночи снѣжные кристаллы,
 Смѣясь, бросаетъ въ волосы мои,
 Въ то время какъ мои любимцы, люди,
 Для слугъ его потѣхой стали. Такъ-то
 Тиранъ платить умѣетъ за добро!
 Что-жь, это справедливо: злыя души
 Принять добра не могутъ: дай имъ міръ,—
 Въ отвѣтъ увидишь страхъ, и стыдъ, и злобу,
 Но только не признательность. Онъ мститъ мнѣ
 За рядъ своихъ же низкихъ злодѣяній.
 Для душъ такихъ добро—большій упрека,
 Оно терзаетъ, ранить ихъ, и жалить,
 И спать имъ не даетъ, твердя о Мести.
 Покорности онъ хочетъ? Нѣтъ ея!
 И что сокрыто въ томъ зловѣщемъ словѣ?
 Глухая смерть и рабство для людей.
 Покорность—Сицилійскій мечъ, дрожащій
 На волоскѣ надъ царскою короной,—
 Онъ могъ бы взять ее, но я не дамъ.
 Другіе пусть потворствуютъ Злодѣйству,
 Пока оно, безчинствуя, царить.
 Имъ нечего бояться: Справедливость,
 Достигнувъ торжества, карать не будетъ,
 А только съ состраданіемъ оплачетъ
 Мученія свои. И вотъ я жду.
 А часъ возмездья близится, и даже
 Пока мы рѣчь ведемъ, онъ ближе сталъ.
 Но слышишь—то ревуť собаки Ада,

Скорѣй, не медли, Небо омрачилось,
Нахмурился во гнѣвъ твой Отецъ.

МЕРКУРІЙ.

О, если бѣ можно было намъ избѣгнутьъ:
Тебѣ—страданій, мнѣ—постылой кары
Быть вѣстникомъ твоихъ скорбей. Отвѣтъ мнѣ,
Ты знаешь, сколько времени продлится
Владычество Юпитера?

ПРОМЕТЕЙ.

Одно лишь

Открыто мнѣ: оно должно пройти.

МЕРКУРІЙ.

Увы, не можешь ты исчислить, сколько
Еще придетъ къ тебѣ жестокихъ мукъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Пока царитъ Юпитеръ, будутъ пытки—
Не менѣе, не болѣе.

МЕРКУРІЙ.

Помедли,

Мечтой въ нѣмую Вѣчность погрузись.
Туда, гдѣ все, что Время записало,
Все то, что можемъ въ мысляхъ мы увидѣть,
Вѣка, загроможденные вѣками,
Лишь точкой представляются,—куда
Смущенный умъ идти не можетъ больше,—
Въ предѣлы, гдѣ, уставши отъ полета,
Онъ падаетъ и кружится во тьмѣ,
Потерянный, ослѣпшій, безпріютный,—
Быть можетъ, даже тамъ ты счесть не сможешь
Всей бездны лѣтъ, которыя придутъ
Съ безсмѣннымъ рядомъ новыхъ-новыхъ пытокъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Быть можетъ, умъ безсиленъ счесть мученья,—
И все-жъ они проходятъ.

МЕРКУРІЙ.

Если бъ ты
Могъ жить среди Боговъ, овѣянь нѣгой!

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ лучше здѣсь,—висѣть въ ущельи мертвомъ,
Не вѣдая раскаянья.

МЕРКУРІЙ.

Увы!

Дивлюсь тебѣ, и все-жъ тебя жалѣю.

ПРОМЕТЕЙ.

Жалѣй рабовъ Юпитера покорныхъ,
Снѣдаемыхъ презрѣніемъ къ себѣ,
Меня жалѣть нельзя, мой духъ спокоенъ,
Въ немъ ясный миръ царить, какъ въ солнцѣ—пламя.
Но что слова! Зови скорѣй враговъ.

ІОНА.

Сестра, взгляни, огнемъ бездымно-бѣлымъ
Разбило стволъ того густого кедра,
Окутаннаго снѣгомъ. Что за гнѣвъ
Звучить въ раскатахъ яростнаго грома!

МЕРКУРІЙ.

Его словамъ, а также и твоимъ,
Я долженъ быть послушенъ. Какъ мнѣ трудно!

ПАНТЕЯ.

Смотри, ты видишь, тамъ дитя Небесъ
Вѣжитъ, скользить крылатыми ногами
По косвенной покатости Востока.

ІОНА.

Сестра моя, сверни скорѣ крылья,
Закрой глаза: увидишь ихъ—умрешь:
Они идутъ, идутъ, рожденье дня

Несчетными крылами затемняя,
Какъ смерть, пустыми снизу.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Прометей!

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Титанъ безсмертный!

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Другъ Людского рода!

ПРОМЕТЕЙ.

Тотъ, кто здѣсь слышитъ этотъ страшный голосъ,
Титанъ плѣненный, Прометей. А вы,
Чудовищныя формы,—что вы, кто вы?
Еще ни разу Адъ, всегда кишачій
Уродствами, сюда не высылалъ
Такихъ кошмаровъ гнусныхъ, порожденныхъ
Умомъ Тирана, жаднымъ къ безобразью;
Смотря на эти мерзостныя тѣни,
Какъ будто бы я дѣлаюсь подобенъ
Тому, что созерцаю,—и смѣюсь,
И глазъ не отрываю, проникаясь
Чудовищнымъ сочувствіемъ.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Мы—слуги .

Обмановъ, пытокъ, страха, преступленья
Когтистаго и цѣпкаго; всегда,
Подобныя собакамъ исхудалымъ,
Что жадно гонять раненую лань,
Мы гонимся за вѣмъ, что плачетъ, бьется,
Живетъ и намъ дается на забаву,
Когда того захочетъ высшій Царь.

ПРОМЕТЕЙ.

О, множество ужаснѣйшихъ созданій
Подъ именемъ однимъ! Я знаю васъ.

И гладь озеръ, и стонущее Эхо
 Знакомы съ шумомъ вашихъ темныхъ крылъ.
 Но все жь зачѣмъ другой, кто васъ ужаснѣй,
 Изъ бездны вызвалъ ваши легіоны?

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Не знаемъ. Сестры, сестры, наслаждайтесь!

ПРОМЕТЕЙ.

Что можетъ въ безобразы ликовать?

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Влюбленные, взирая другъ на друга,
 Отъ прелести восторга веселятъ:
 Равно и мы. И какъ отъ яркихъ розъ
 Воздушный свѣтъ струится, нѣжно-алый,
 На блѣдное лицо склоненной жрицы,
 Для праздника сплетающей вѣнокъ,
 Такъ съ нашихъ жертвъ, съ ихъ мрачной агоніи,
 Струится тѣнь и падаетъ на насъ,
 Давая вмѣстѣ съ формой одѣянье,
 А то бы мы безъ образа дышали,
 Какъ наша мать, безформенная Ночь.

ПРОМЕТЕЙ.

Смѣюсь надъ вашей властію, надъ тѣмъ,
 Кто васъ послалъ сюда для низкой цѣли.
 Презрѣнныя! Исчерпайте всѣ пытки!

ПЕРВАЯ ФУРІЯ,

Не думаешь ли ты, что мы начнемъ
 Срывать отъ кости кость и нервъ отъ нерва?

ПРОМЕТЕЙ.

Моя стихія—боль, твоя—свирѣпость.
 Терзайте. Что мнѣ въ томъ!

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Да ты какъ будто

Узналъ, что мы всего лишь посмѣмся
 Въ твои глаза, лишенные рѣсницъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Что дѣлаете вы, о томъ не мыслю,
А думаю, что вы должны страдать,
Живя дыханьемъ зла. О, какъ жестоко
То властное велѣніе, которымъ
Вы созданы, и все, что такъ же низко!

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Подумалъ ли о томъ, что мы способны
Тобою жить, въ тебѣ, черезъ тебя,
Одна, другая, третья, всей толпою?
И если омрачить не можемъ душу,
Горящую внутри,—мы сядемъ рядомъ,
Какъ праздная крикливая толпа,
Что портить ясность духа самыхъ мудрыхъ.
Въ твоемъ умѣ мы будемъ страшной думой,
Желаньемъ грязнымъ въ сердцѣ изумленномъ,
И кровью въ лабиринтѣ жилъ твоихъ,
Ползущей жгучимъ ядомъ агоніи.

ПРОМЕТЕЙ.

Иначе быть не можете. А я
Попрежнему—владыка надъ собою,
И рою пытокъ такъ же управляю,
Какъ вами—вашъ Юпитеръ.

ХОРЪ ФУРІЙ.

Отъ предѣловъ земли, отъ предѣловъ земли,
Гдѣ и Утро и Ночь полусумракъ сплели,—
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
Вы, отъ возгласовъ чьихъ стонъ стоитъ на холмахъ,
Въ часъ, когда города разсыпаются въ прахъ,
Вы, что мчитесь межъ тучъ, разрушеніе творя,
И безкрылой стопой возмущая моря,
Вы, что гоните смертъ, промелькнувшей вдали,
Чтобъ со смѣхомъ губить и топить корабли,—
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!

Бросьте сонныхъ мертвецовъ,
 Тѣхъ, что дремлютъ сномъ вѣковъ;
 Дайте отдыхъ лютой злобѣ,
 Пусть до времени она
 Спитъ, какъ въ тихомъ черномъ гробѣ,—
 Встанетъ свѣжей послѣ сна,—
 Радость вашего возврата.
 Бросьте юные умы,—
 Въ нихъ дыханіе разврата
 Вскормитъ бѣшенство чумы.
 Пусть безумецъ тайну Ада
 Не измѣритъ силой взгляда;
 Страхомъ собственнымъ смущень,
 Будетъ вдвое мучимъ онъ.
 Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
 Мы бѣжимъ изъ мрачныхъ вратъ,
 Сзади востъ шумный Адъ,
 Мы плывемъ,
 Громъ усилилъ свой раскатъ,
 Васъ на помощь мы зовемъ!

ІОНА.

Сестра, я слышу грохотъ новыхъ крыльевъ.

ПАНТЕЯ.

Оплоты скалъ дрожать отъ этихъ звуковъ,
 Какъ чуткій воздухъ. Сонмы ихъ тѣней
 Рождаютъ мракъ темнѣе черной ночи.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Къ намъ домчался быстрый зовъ,
 Насъ умчаль среди вѣтровъ,
 Съ красныхъ пажитей войны;

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Прочь отъ людныхъ городовъ;

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Гдѣ всѣ улицы полны
Стономъ тѣхъ, кто хочетъ вѣсть;

ЧЕТВЕРТАЯ ФУРІЯ.

Гдѣ всечасно льется кровь,
Гдѣ страдающихъ не счесть;

ПЯТАЯ ФУРІЯ.

Гдѣ пылаютъ вновь и вновь,
Въ яркомъ пламени печей,
Бѣлыхъ, жаркихъ—

ОДНА ИЗЪ ФУРІЙ.

Стои, молчи,
Вмигъ прервемъ потокъ рѣчей,
Не шепчи:
Если втайнѣ сохранимъ,
Въ чемъ—страшнѣйшая бѣда,
Непокорнаго тогда
Мы скорѣ побѣдимъ,
Мы его поработимъ,
А теперь, Поборникъ Мысли, онъ еще неукротимъ.

ФУРІЯ.

Порви покровъ!

ДРУГАЯ ФУРІЯ.

Онъ порванъ, онъ разорванъ!

ХОРЪ.

Встала, выросла бѣда!
Съ Неба свѣтитъ на нее
Утра блѣдная звѣзда.
Что, спокойствіе свое
Позабылъ, Титанъ?
Ты падешь,
Не снесешь
Новыхъ ранъ!

Что-жь, ты похвалишь то знанье, что въ душахъ людей про-
будилъ?

Дать имъ сумѣлъ только жажду,—а чѣмъ же ты ихъ напоилъ?
Далъ имъ надежду, желанья, любви лихорадочный бредъ,
Воды ключей мелководныхъ,—безплодный вопросъ,— не от-
вѣтъ.

Видишь мертвыя поля,
Видишь, видишь, вся Земля
Кровью залита.
Вотъ пришелъ одинъ, съ душой
Нѣжной, кроткой и святой,
Молвили уста
Тѣ слова, что будутъ жить
Послѣ смерти этихъ устъ,
Будутъ истину душишь,
Будетъ мѣръ угрюмъ и пустъ.
Видишь, дальній небосклонъ
Дымомъ яростнымъ смущень:
Въ многочисленныхъ городахъ
Крикъ отчаянья и страхъ.
Плачетъ нѣжный духъ того,
Кто страдалъ отъ слезъ людскихъ:
Кроткимъ именемъ его
Губятъ тысячи другихъ.
Вотъ, взгляни еще, взгляни:
Гдѣ-жь блестящія огни?
Точно искрится свѣтлякъ,
Чуть смущая лѣтній мракъ.
Тлѣютъ угли,—вкругъ углей
Сонмъ испуганныхъ тѣней.
Всѣ глядятъ по сторонамъ.
Радость, радость, радость намъ!

Всѣ вѣка времени прошедшихъ громоздятся вкругъ тебя,
Мракъ въ грядущемъ, всѣ столѣтья помнятъ только про себя,
Настоящее простерлось, какъ подушка изъ шиповъ,
Для тебя, Титанъ бессонный, для твоихъ надменныхъ сновъ.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Агонія верхъ взяла:
 Онъ трепещеть, онъ дрожитъ,
 Съ поблѣднѣваго чела
 Кровь мученія бѣжитъ.
 Пусть немного отдохнетъ:
 Вотъ, обманутый народъ
 Отъ отчаянья возсталъ,
 Поднемъ яркимъ заблисталъ,
 Правды хочетъ, Правды ждетъ,
 Воли духъ его ведетъ:—
 Всѣ какъ братья стали вновь,
 Ихъ зоветъ дѣтми Любовь—

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Стой, гляди, еще народъ,
 Братъ на брата, всѣ на всѣхъ,
 Жатву пышную сберетъ
 Вмѣстѣ съ смертью черный грѣхъ:
 Кровь, какъ новое вино,
 Шумно бродить, заодно
 Съ горькимъ страхомъ,—гибнетъ міръ,
 Тлѣетъ, гаснетъ,—и тирановъ, и рабовъ зоветъ на пиръ.

(Всѣ Фурии исчезаютъ, кромѣ одной).

ИОНА.

Сестра, ты слышишь, какъ благой Титанъ
 Въ мученьяхъ стонетъ,—тихо, но ужасно,—
 Какъ будто грудь его должна порваться:
 Такъ бурный смерчъ взрываетъ глубь морей.
 И стонуть вдоль по берегу пещеры.
 Быть можетъ, ты осмѣлишься взглянуть,
 Какъ лютые враги его терзаютъ?

ПАНТЕЯ.

Смотрѣла дважды,—больше не могу.

ІОНА.

Что-жь видѣла?

ПАНТЕЯ.

Ужасное! прибитый
Къ кресту, печальный юноша, со взоромъ,
Исполненнымъ терпѣнья.

ІОНА.

Что еще?

ПАНТЕЯ.

Кругомъ—все небо, снизу—вся земля
Усыяны толпой тѣней ужасныхъ,
Нѣмыхъ видѣній смерти человѣка,
Сплетенныхъ человѣческой рукой;
Иныя представляются созданьемъ
Людскихъ сердецъ: толпы людскія гибнуть
Отъ одного движенія устъ и глазъ;
Еще другія бродятъ привидѣнья,
На нихъ взглянуть—и послѣ жить нельзя,
Не станемъ искушать сильнѣйшій ужасъ,
Къ чему смотрѣть, когда мы слышимъ стоны?

ФУРІЯ.

Замѣть эмблему: кто выносить зло
За человѣка, кто гремитъ цѣпями,
Идетъ въ изгнанье,—тотъ лишь громоздитъ
И на себя и на него страданья
Все новыя и новыя.

ПРОМЕТЕЙ.

Смягчи

Мучительную боль очей горящихъ;
Пусть губы искаженные сомкнутся;
Пускай съ чела, увитаго шипами,
Не льется кровь,—мѣшается она
Съ росой глазъ твоихъ! О, дай орбитамъ,
Которыя вращаются въ испугѣ,

Узнать недвижность смерти и покоя;
 И пусть твоей угрюмой агоніей
 Не будет сотрясаться этот крестъ,
 И пальцы блѣдныхъ рукъ играть не будутъ
 Запекшеюся кровью. Не хочу
 Назвать тебя по имени. Ужасно!
 Оно проклятьемъ стало. Вижу, вижу
 Возвышенныхъ, и мудрыхъ, и правдивыхъ;
 Твои рабы ихъ съ ненавистью гонять;
 Иныхъ нечистой ложью отпугнули
 Отъ очага ихъ собственныхъ сердець,
 Оплаканнаго постлѣ—слишкомъ поздно;
 Иные цѣпью скованы съ тѣлами,
 Гніющими въ темницахъ нездоровыхъ;
 Иные—чу!—толпа хохочетъ дико!—
 Прикованы надъ медленнымъ огнемъ.
 И множество могучихъ царствъ проходитъ,—
 Плывутъ у ногъ моихъ, какъ острова,
 Изъ глубины исторгнутые съ корнемъ;
 Ихъ жители—все вмѣстѣ, въ лужахъ крови,
 Въ грязи, облитой заревомъ пожаровъ.

ФУРІА.

Ты видишь кровь, огонь; ты слышишь стоны;
 Но худшее, неслышимо, незримо,
 Скрыто позади.

ПРОМЕТЕЙ.

Скажи!

ФУРІА.

Въ душѣ

У каждого, кто пережилъ погибель,
 Рождается боязнь: высокій духомъ
 Бойтся увидеть, что вѣрно то,
 О чемъ онъ даже мыслить не хотѣлъ бы;
 Встаетъ обычай вмѣстѣ съ лицемѣрьемъ,
 Какъ капища, гдѣ молятся тому,

Что совѣстью изношено. Не смѣя
 О томъ, что людямъ нужно, размышлять,
 Они не сознають, чего не смѣють.
 У добраго нѣтъ силы, кромѣ той,
 Что позволяетъ плакать безнадежно.
 У сильныхъ нѣтъ того, что имъ нужно,
 Чѣмъ что-нибудь другое,—доброты.
 Мудрецъ лишень любви, а тотъ, кто любитъ,
 Не знаетъ свѣта мудрости,—и въ мірѣ
 Все лучшее живетъ въ объятяхъ зла.
 Для многихъ, кто богатъ и власть имѣетъ,
 Является мечтою справедливость,
 А между тѣмъ среди скорбящихъ братьевъ
 Они живутъ, какъ будто бы никто
 Не чувствовалъ: не знаютъ, что творять.

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова—какъ туча змѣй крылатыхъ,
 И все же я жалѣю тѣхъ, кого
 Не мучають они.

ФУРИЯ.

Ты ихъ жалѣешь?

Нѣтъ больше словъ!

(Исчезаетъ)

ПРОМЕТЕЙ.

О, горе мнѣ! О, горе!

Тоска всегда! Навѣки ужасъ пытки!
 Глаза мои, безъ слезъ, закрыты—тщетно:
 Въ душѣ, терзаньемъ жгучимъ озаренной,
 Ясенѣй лишь вижу всѣ твои дѣянья,
 Утонченный тиранъ! Въ могилѣ—миръ.
 Въ могилѣ все скрывается благое,
 Прекрасное, но я, какъ Богъ, безсмертенъ,
 И смерти не хочу искать. О, пусть,
 Свирѣпый царь, ты страшно метить умѣешь.—
 Въ отмщеніи нѣтъ побѣды. Тѣ видѣнья,

Которыми ты мучаешь меня,
 Моей душѣ терпѣнья прибавляютъ,
 И часъ придетъ, и призраки не будутъ
 Прообразомъ дѣйствительныхъ вещей.

ПАНТЕЯ.

Увы! Что видѣлъ ты?

ПРОМЕТЕЙ.

Есть два мученья:

Одно—смотрѣть, другое—говорить;
 Избавь меня отъ одного. И слушай:
 Въ святилищахъ Природы внесены
 Завѣтныя слова,—то кличъ безгласный,
 Къ высокому и свѣтлому зовущій.
 На тотъ призывъ, какъ человекъ одинъ,
 Сошлись народы, громко восклицая:
 «Любовь, свобода, правда!» Вдругъ съ небесъ
 Неистовство, какъ молнія, упало
 Въ толпу людей,—борьба, обманъ и страхъ,—
 И вторгнулись тираны, раздѣляя
 Добычу межъ собою. Такъ я видѣлъ
 Тѣнь истины.

ЗЕМЛЯ.

Возлюбленный мой сынъ,
 Я чувствовала всѣ твои мученья,
 Съ той смѣшанною радостью, что въ сердцахъ
 Встаютъ отъ чувства доблести и скорби.
 Чтобъ дать тебѣ вздохнуть, я позвала
 Прекрасныхъ легкихъ духовъ, чье жилище—
 Въ пещерахъ человѣческихъ умовъ;
 Какъ птицы рѣютъ крыльями по вѣтру,
 Такъ эти духи носятся въ эфирѣ;
 За нашимъ царствомъ сумерекъ они,
 Какъ въ зеркалѣ, грядущее провидятъ;
 Они придутъ, чтобъ усладить тебя.

ПАНТЕЯ.

О сестра, посмотри, тамъ собираются духи толпой,
Точно хлопья играющихъ тучекъ на утрѣ весны,
Наполняютъ просторъ голубой.

ІОНА.

Посмотри, вонъ еще, какъ туманы среди тишины,
Что встаютъ съ родника, если вѣтры усталые спятъ,
И встаютъ, и спѣшать по оврагу скорѣй и скорѣй.
Слышишь? Чтò это? Музыка сосенъ? Вершины шумятъ?
Или озеро плещетъ? Иль шепчетъ ручей?

ПАНТЕЯ.

Это что-то гораздо печальнѣй, гораздо нѣжнѣй.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Съ незапамятныхъ временъ
Мы не дремлемъ надъ толпой
Человѣческихъ племенъ,
Угнетаемыхъ судьбой.
Мы улада всѣхъ скорбей,
Мы защитники людей,
Мы печалимся о нихъ,
Дышемъ въ помыслахъ людскихъ,—
Въ нашемъ воздухѣ родномъ;
Если тамъ сгустится тьма,
Если тамъ за лѣтнимъ днемъ
Встанетъ бурная зима;—
Или все опять свѣтло,
Словно въ часъ, когда рѣка—
Какъ недвижимое стекло,
Гдѣ не таютъ облака;—
Легче вольныхъ рыбъ морскихъ,
Легче птицъ въ дыханьи бурь,
Легче помысловъ людскихъ,
Вѣчно мчащихся въ лазурь,—
Въ нашемъ воздухѣ родномъ

Мы какъ тучки вешнимъ днемъ;
Ищемъ молній и зарницъ,
Медлимъ тамъ, гдѣ нѣтъ границъ.
Мы для всѣхъ, кто твердь въ борьбѣ.
Тотъ завѣтъ несемъ, любя,
Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

ІОНА.

Еще, еще приходятъ другъ за другомъ,
И воздухъ, окружающій видѣнья,
Блистателенъ, какъ воздухъ вокругъ звѣзды.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Прочь отъ яростной борьбы,
Гдѣ сошлись на зовъ трубы
Возмущенные рабы,
Я летѣлъ среди зыбей,
Все скорѣй, скорѣй, скорѣй.
Все смѣшалось тамъ, какъ сонъ,
Тѣнь разорванныхъ знаменъ,
Тамъ глухой протяжный стонъ
Мчится въ меркнущую твердь:
«Смерть! На бой! Свобода! Смерть!»
Но одинъ побѣдный звукъ,
Выше мрака и могилъ,
Выше судорожныхъ рукъ,
Всюду двигался и жилъ,—
Нѣжно въ яростной борьбѣ
Тотъ завѣтъ звучалъ, любя,
Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Замокъ радуги стоялъ,
Въ морѣ снизу бился валь;
Побѣдительно могучъ,

Призракъ бури прочь бѣжалъ,
 Между плѣнныхъ, между тучъ,
 Жгучихъ молній яркій лучъ
 Пополамъ ихъ раздѣлялъ.
 Посмотрѣлъ я внизъ—и вотъ
 Вижу, гибнетъ мощный флотъ,
 Точно щепки—корабли,
 Бьются, носятся вдали,
 Вотъ ихъ волны погребли,—
 Точно адъ кругомъ возсталъ,
 Бѣлой пѣной заблисталъ.
 Точно въ хрупкомъ челнокѣ,
 Плылъ спасенный, на доскѣ,
 Врагъ его невадѣлкѣ,
 Обезсилѣвъ, шелъ во тьму—
 Доску отдалъ онъ ему,
 Самъ, смиряясь, утонулъ,
 Но предъ смертію вздохнулъ,
 Былъ тотъ вздохъ воздушный грезъ,
 Онъ меня сюда принесъ.

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

У постели мудреца
 Я, незримый, молча ждалъ;
 Красный свѣтъ огня блисталъ
 Возлѣ блѣднаго лица:
 Книгу тотъ мудрецъ читалъ.
 Вдругъ на пламенныхъ крылахъ
 Началъ рѣять легкій Сонъ,
 Я узналъ, что это онъ,
 Тотъ же самый, что въ сердцахъ
 Много лѣтъ назадъ зажегъ
 Вдохновенъ и печаль,
 Ослѣпительный намекъ,
 Тѣнь огня, что манитъ вдалъ.
 Онъ меня сюда увлекъ—

Быстро, быстро, точно взгляды.
 Прежде чѣмъ настанетъ день,
 Долженъ онъ летѣть назадъ,
 А не то сгустится тѣнь
 Въ сонныхъ думахъ мудреца,
 И, проснувшись, онъ весь день
 Не прогонитъ эту тѣнь
 Съ омраченнаго лица.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

У поэта на устахъ,
 Какъ влюбленный, я дремалъ
 Въ упоительныхъ мечтахъ;
 Онъ едва-едва дышалъ.
 Онъ не ищетъ нѣгъ земныхъ,
 Знаетъ ласки устъ иныхъ,
 Поцѣлуй красоты,
 Что живетъ въ глуши мечты;
 Любитъ онъ лелѣять взоръ,—
 Не волнуясь, не ища,—
 Блескомъ дремлющихъ озеръ,
 Видомъ пчелъ въ цвѣтахъ плюща;
 Онъ не знаетъ, что предъ нимъ,
 Занять помысломъ однимъ:
 Изъ всего онъ создаетъ
 Стройность дышущихъ тѣней,
 Имъ дѣйствительность даетъ,
 Что прекраснѣй и полнѣй,
 Чѣмъ живущій человекъ,
 Долговѣчнѣй блѣдныхъ дней,
 И живетъ изъ вѣка въ вѣкъ.
 Изъ виднѣй тѣхъ одно
 Сна разрушило звено,—
 Я скорѣй умчался прочь,
 Я хочу тебѣ помочь.

ІОНА.

Ты видишь, два видѣнія сюда
Отъ запада летятъ и отъ востока,
Созданія воздушныхъ высшихъ сферъ,
Какъ близнецы, какъ голуби, что мчатся
Къ родимому гнѣзду,—плывутъ, скользятъ,—
Ты слышишь звуки нѣжныхъ пѣсноупій,
Плѣнительно-печальныхъ голосовъ,
Съ любовью въ нихъ отчаянье смѣшалось!

ПАНТЕА.

Ты говоришь! Во мнѣ слова погасли.

ІОНА.

Ихъ красота даетъ мнѣ голосъ. Видишь,
Какъ свѣтятся измѣнчивыя крылья,
То облачно-пурпурныя, то вновь
Лазурныя и нѣжно-золотыя;
Улыбкой ихъ окрестный воздухъ дышетъ
И свѣтится, какъ въ пламени звѣзды.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Ты видѣлъ нѣжный ликъ Любви?

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

Летѣлъ я надъ пустыней,
Какъ облачко, спѣшилъ, скользилъ въ пространствѣ тверди
синей;
И этотъ призракъ ускользалъ на крыльяхъ искрометныхъ,
Звѣзда—въ челѣ, восторгъ живой—въ движеніяхъ беззабот-
ныхъ;

Куда ни ступить, вмигъ цвѣты воздушные блистаютъ.
Но я иду, они за мной, блѣднѣя, увядаютъ.
Зіяла гибель позади: безглавыя геронъ,
Толпы безумныхъ мудрецовъ, страдальцевъ юныхъ ронъ
Сверкали въ сумракѣ ночномъ. Блуждалъ я въ безднѣ зыбкой,
Пока твой взоръ, о Царь скорбей, не скрасилъ все улыбкой.

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

О духъ родной! Отчаянье живеть въ нездѣшной мглѣ,
 Не носится по воздуху, не ходитъ по землѣ,
 Придетъ оно безъ шороха и вѣянемъ крыла
 Навѣтъ упованія въ сердца, что выше зла,
 И лживое спокойствіе отъ тѣхъ безшумныхъ крылъ
 Въ сердцахъ, что дышутъ нѣжностью, смирятъ страстный
 пылъ,

И музыка воздушная дѣлаетъ ихъ тогда,
 Баюкаетъ и шепчетъ имъ о счастья навсегда,
 Зовутъ они Любовь къ себѣ,—чудовище земли,—
 Пробудятся и Скорбь найдутъ въ лохмотьяхъ и въ пыли.

ХОРЪ.

Пусть съ Любовью Скорбь—какъ тѣнь,
 Пусть за ней, и ночь, и день,
 Гибель мчится по пятамъ,
 Бѣлокрылый скачетъ конь,
 Вѣстникъ Смерти, весь—огонь,
 Смерть всему, цвѣтамъ, плодамъ,
 Воплощенью красоты
 И уродливымъ чертамъ.
 Пусть! Но часъ пробѣтъ,—и ты
 Укротишь безумный бѣгъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Вамъ открыто, что придетъ?

ХОРЪ.

Если таетъ вѣшній снѣгъ,
 Если стаялъ вѣшній ледъ,—
 Опадаетъ старый листъ,
 Мягкій вѣтеръ нѣжитъ слухъ,
 Воздухъ ласковъ и душистъ,
 И блуждающій пастухъ,
 Торжествуя смерть зимы,
 Ужъ предчувствуетъ и ждетъ,

Что шиповникъ зацвѣтеть;—
 Такъ и тамъ, гдѣ дышемъ мы,
 Правда, Мудрость и Любовь,
 Пробуждаясь къ жизни вновь,
 Намъ, недремлющимъ въ борьбѣ,
 Тотъ завѣтъ несутъ, любя,
 Что кончается въ тебѣ,
 Начинаясь отъ тебя.

ІОНА.

Куда же скрылись Духи?

ПАНТЕЯ.

Только чувство
 Отъ нихъ осталось въ сердцѣ,—словно чары
 Отъ музыки, въ тѣ свѣтлыя мгновенья,
 Когда утихнетъ лютня, смолкнетъ голосъ,
 Но отзвуки мелодіи нѣмой
 Въ душѣ глубокой, чуткой, лабиринтной
 Еще живутъ и будятъ долгій гулъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Плѣнительны воздушныя видѣнья,
 Но, чувствую, напрасны всѣ надежды,
 Одна любовь вѣрна; и какъ далеко
 Ты, Азія, чье сердце предо мной,
 Въ былые дни, открытое, горѣло,
 Какъ искристая чаша, принимая
 Душистое и свѣтлое вино.
 Все тихо, все мертво. Тяжелымъ гнетомъ
 Виситъ надъ сердцемъ сумрачное утро;
 Я сталъ бы спать теперь, хотя съ тревогой,
 Когда бы можно было мнѣ уснуть.
 О, какъ хотѣлъ бы я свершить скорѣе
 Свое предназначенье—быть опорой,
 Спасителемъ страдальца-человѣка;
 А то—уснуть, безмолвно потонуть

Въ первичной безднѣ всѣхъ вещей,—въ пучинѣ,
Гдѣ нѣтъ ни сладкихъ нѣгъ, ни агоніи,
Гдѣ нѣтъ утѣхъ Земли и пытокъ Неба.

ПАНТЕЯ.

А ты забылъ, что около тебя
Всю ночь, въ холодной мглѣ, тревожно дышетъ
Одна, чьи очи только и сомкнутся,
Когда надъ ней тѣнь духа твоего
Наклонится съ заботливостью нѣжной.

ПРОМЕТЕЙ.

Я говорилъ, что всѣ надежды тщетны,
Одна любовь вѣрна: ты любишь.

ПАНТЕЯ.

Правда!

Люблю глубоко. Но звѣзда разсвѣта
Блѣднѣетъ на востокѣ. Я иду.
Ждетъ Азія—тамъ, въ Индіи далекой,
Среди долинъ изгнанья своего,—
Гдѣ раньше были дикіе утесы,
Подобные морозному ущелью,
Свидѣтели твоихъ безсмѣнныхъ пытокъ,
Теперь же дышутъ нѣжные цвѣты,
Вздыхаютъ травы, отклики лѣсные,
И звуки вѣтра, воздуха и водъ,
Присутствіемъ ея преображенныхъ,—
Всѣ чудныя созданія ээира,
Которыя живутъ сліяньемъ тѣснымъ
Съ твоимъ дыханьемъ творческимъ. Прощай!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Утро.—Красивая долина въ Индійскомъ Кавказѣ.—Азія одна.

АЗІЯ.

Во всѣхъ дыханьяхъ неба ты нисходишь,
 Какъ духъ, какъ мысль,—Весна, дитя вѣтровъ!—
 Въ глазахъ застывшихъ нѣжно будишь слезы,
 Въ пустынномъ сердцѣ, жаждущемъ покоя,
 Бѣнья ты рождаешь,—о Весна,
 Питомица, взлелѣянная бурей!
 Приходишь ты внезапно, точно свѣтъ
 Печальныхъ думъ о сладкомъ сновидѣннѣ:
 Ты—геній, ты—восторгъ, съ лица земли
 Встающій сонмомъ тучекъ золотистыхъ
 Въ пустынь нашей жизни. Ночь проходить.
 Вотъ время, день и часъ. Я жду тебя,
 Сестра моя, желанная, ты медлишь,
 Съ разсвѣтомъ ты должна ко мнѣ придти,
 Я жду тебя, приди, приди скорѣе!
 Едва ползутъ безкрылыя мгновенья,
 Еще трепещетъ блѣдный ликъ звѣзды,
 Надъ алыми вершинами, въ просвѣтѣ
 Растущей ввысь оранжевой зари;
 Смотря въ провалъ разорванныхъ тумановъ,
 Въ зеркальной глади озера дрожить
 Стыдливая звѣзда, блѣднѣть, гаснеть—

Опять горить въ прозрачной ткани тучекъ—
 И нѣтъ ея! И сквозь вершины горъ,
 Съ ихъ облачно-воздушными свѣгами,
 Трепещетъ розоватый свѣтъ зари.
 Чу! слышу вздохъ Оловыхъ мелодій,—
 То звукъ ея зеленоватыхъ крылъ,
 Съ собою приносящихъ алость утра.

(Входитъ Пантея)

Я чувствую глаза твои. Я вижу
 Лучистый взоръ,—въ слезахъ улыбка меркнетъ,
 Какъ свѣтъ звѣзды, потопленный въ туманахъ
 Серебряной росы. Сестра моя,
 Любимая, прекрасная! Съ тобою
 Приходитъ тѣнь души, которой я
 Живу. Зачѣмъ ты медлила такъ долго?
 Ужь солнца свѣтлый шаръ возшелъ по морю.
 Мой духъ надеждой раненъ быть, предъ тѣмъ
 Какъ воздухъ, гдѣ ничьихъ слѣдовъ не видно,
 Почувствовалъ движеніе крылъ твоихъ.

ПАНТЕЯ.

Прости, сестра! Полетъ мой былъ замедленъ
 Восторгомъ воспоминаемаго сна,
 Какъ медленный полетъ вѣтровъ полдневныхъ,
 Впивающихъ дыханіе цвѣтовъ.
 Всегда спала я сладко, пробуждалась
 Окрѣпшею и свѣжей, до того
 Какъ палъ Титанъ священный, и любовью
 Несчастною меня ты научила
 Соединять страданье и любовь.
 Тогда въ пещерахъ древнихъ Океана
 Спала я межъ камней зелено-сѣрыхъ,
 Въ пурпурной колыбели нѣжныхъ мховъ;
 Тогда, какъ и теперь, меня Юна
 Во снѣ рукою нѣжной обнимала,
 Касаясь темныхъ ласковыхъ волосъ,
 Межъ тѣмъ какъ я закрытыми глазами

Къ ея груди волнистой прижималась,
 Вдыхая свѣжесть юности ея.
 Теперь не то, теперь я словно вѣтеръ,
 Что падаетъ, стихая отъ мелодій
 Твоихъ рѣчей безмолвныхъ; я дрожу,
 Мой сонъ смущенъ какой-то сладкой нѣгой,
 Какъ будто слышу я слова любви;
 А только сонъ уйдетъ,—приходить мука,
 Заботы угнетаютъ.

АЗІЯ.

Подними

Опущенный свой взоръ,—прочесть хочу я
 Твой сонъ.

ПАНТЕЯ.

Я говорю: у ногъ его

Спала я вмѣстѣ съ нашею сестрою,
 Океанидой. Горные туманы,
 Внявъ голосъ нашъ, сгустились подъ луной
 И хлопьями пушистыми покрыли
 Колючій ледъ, чтобъ спать намъ не мѣшало.
 Два сна тогда пришли. Одинъ не помню.
 Въ другомъ я увидала Прометея,
 Но не былъ онъ израненъ, изнуренъ,—
 И ожилъ вдругъ лазурный сумракъ ночи
 Отъ блеска этой формы, что живетъ—
 Внутри не измѣняясь. Прозвучали
 Его слова, какъ музыка,—такая,
 Что умъ отъ счастья гаснетъ, задыхаясь
 Въ восторгѣ опьяненія: «Сестра
 Той, чьи шаги воздушные рождаютъ
 Цвѣты и чары,—ты, что всѣхъ прекраснѣй,
 Лишь менѣ прекрасна, чѣмъ она,—
 О тѣнь ея, взгляни!» И я взглянула:
 Безсмертный призракъ высился, блистая
 Любовью ослѣпительной; и весь,—

Въ своихъ воздушныхъ членахъ, въ гармоничныхъ
 Устахъ, порывомъ страсти раздѣленныхъ,
 Въ пронзительныхъ и меркнувшихъ глазахъ,—
 Весь, весь горѣлъ онъ пламенемъ подвижнымъ;
 Дыханьемъ всемогущей сладкой власти
 Окуталъ онъ меня, и я тонула,
 Я таяла,—какъ облачко росы,
 Блуждающей въ эфирѣ, таетъ, тонетъ,
 Въ дыханьи теплыхъ утреннихъ лучей:
 Не двигаясь, не слыша, и не видя,
 Я вся жила присутствіемъ его,
 Онъ въ кровь мою вошелъ, со мной смѣшался,
 И онъ былъ—мною, и жизнь его—моей,
 Моя душа въ его душѣ исчезла.
 Потомъ огонь погасъ, и я опять
 Во тьмѣ ночной сама собою стала,
 Какъ сумрачный туманъ, что въ часъ заката
 На соснахъ собирается и плачетъ
 Въ дрожащихъ капляхъ; мысли вновь застллись,
 И я могла еще услышать голосъ,
 Еще дрожали звуки, замирая,
 Какъ слабый вздохъ мелодіи ушедшей,
 Но между смутныхъ звуковъ только имя
 Твое, сестра, могла я разобрать.
 Напрасно слухъ я снова напрягала,
 Глухая ночь въ безмолвіи замкнулась.
 Иона, пробудившись ото сна,
 Сказала мнѣ: «Не можешь ты представить,
 Что въ эту ночь встревожило меня!
 Всегда я прежде знала, что мнѣ нужно,
 Чего хочу; ни разу не вкушала
 Блаженства неисполненныхъ желаній.
 Чего теперь ищу—сказать не въ силахъ;
 Не знаю; только сладкаго чего-то,
 Затѣмъ что даже сладко мнѣ желать;
 Ты, вѣрно, посмѣялась надо мною,

Негодная сестра, ты, вѣрно, знаешь
 Какихъ-нибудь старинныхъ чаръ восторги:
 Съ ихъ помощью похитивши мой духъ,
 Покуда я спала, съ своимъ смѣшала:
 Когда съ тобой сейчасъ мы цѣловались,
 Внутри твоихъ разъединенныхъ губъ
 Услышала я сладостный тотъ воздухъ,
 Что былъ во мнѣ; живительная кровь,
 Безъ теплоты которой я томилась,
 Дрожала въ нашихъ членахъ въ мигъ объятья.»—
 Звѣзда Востока между тѣмъ блѣднѣла,
 И я, сестру оставивъ безъ отвѣта,
 Скорѣй къ тебѣ направила полетъ.

АЗІЯ.

Слова твои—какъ воздухъ; не могу я
 Проникнуть въ нихъ. О, подними свой взоръ,
 Хочу въ твоихъ глазахъ увидѣть цѣльность
 Его души.

ПАНТЕЯ.

Взгляну, какъ ты желаешь,
 Хотя къ землѣ склоняются они
 Подъ тяжестью невыраженныхъ мыслей.
 Что можешь ты увидѣть въ нихъ иное,
 Какъ не свою прекраснѣйшую тѣнь?

АЗІЯ.

Твои глаза подобны безграничнымъ
 Глубокимъ темносинимъ небесамъ;
 Ихъ обрамляютъ длинныя рѣсницы;
 Я вижу въ кругѣ—кругъ, въ чертѣ—черту,
 Все вмѣстѣ сплетено въ одну безмѣрность,
 Далекую, неясную.

ПАНТЕЯ.

Зачѣмъ

Ты смотришь такъ, какъ будто духъ прошелъ?

АЗІЯ.

Въ твоихъ глазахъ свершилась перемѣна:
 Тамъ далеко, въ ихъ глубинѣ завѣтной,
 Я вижу призракъ, образъ: это—Онъ,
 Украшенный плѣнительнымъ сіяньемъ
 Своихъ улыбокъ, льющихъ нѣжный свѣтъ,
 Какъ облачко, скрывающее мѣсяцъ.
 Твой образъ, Прометей! Еще помедли!
 Не говорятъ ли мнѣ твои улыбки,
 Что мы опять увидимся съ тобою
 Въ роскошномъ и блистательномъ шатрѣ,
 Который будетъ выстроенъ надъ міромъ
 Изъ ихъ лучей нетлѣнныхъ? Сонъ повѣданъ.
 Но что за тѣнь возникла между нами?
 Грубѣтъ вѣтеръ, только прикоснувшись
 Къ кудрямъ суровымъ; взоръ поспѣшно-дикъ;
 Но то—созданье воздуха: сквозь ткани
 Одежды сѣрой искрится роса,
 Не выпитая полднемъ свѣтозарнымъ.

СОНЪ.

Иди за мной!

ПАНТЕЯ.

Мой сонъ другой!

АЗІЯ.

Онъ скрылся.

ПАНТЕЯ.

Онъ шествуетъ теперь въ моей душѣ.
 Казалось мнѣ, пока мы здѣсь сидѣли,
 Вдругъ вспыхнули гирляндами цвѣты
 На деревѣ миндальномъ, что разбито
 Ударомъ грозовымъ; поспѣшный вѣтеръ,
 Съ пустынь сѣдыхъ, отъ Скиѣи, примчался,
 Лицо земли избородить морозомъ,
 И всѣ листы сорвать; но каждый листъ,—

Какъ синій колокольчикъ Гіацинта
О мукахъ Аполлона повѣствуетъ,
Въ себѣ хранилъ слова: „иди за мной!“

АЗІЯ.

Пока ты говоришь мнѣ, понемногу
Изъ словъ твоихъ рождаются видѣнья
И формами своими заполняютъ
Мой собственный забытый сонъ. Мнѣ снилось,
Бродили мы съ тобой среди долинъ,
Въ сѣдомъ разсвѣтъ дня; по горнымъ склонамъ
Чуть шли стада рунообразныхъ тучъ,
Густой толпой, лѣниво повинувась
Медлительнымъ вѣлѣньямъ вѣтерка;
И бѣлая роса висѣла, молча,
На листьяхъ чуть пробившейся травы;
И многое,—чего я не припомню.
Но вдоль пурпурныхъ склоновъ сонныхъ горъ,
На тѣневыхъ изображеньяхъ тучекъ,
Забрезжились слова: „иди за мной!“
Когда они, блеснувши, стали таять,
Переходя къ травѣ, на каждый листъ,
Съ себя стряхнувшій блескъ росы небесной,—
Поднялся вѣтеръ, въ соснахъ зашумѣлъ,
И музыкой звенящей онъ наполнилъ
Сквозную сѣть ихъ вѣтокъ,—и тогда,
Звуча, переливаясь, замирая,
Какъ стонъ «Прости!» исторгнутый у духовъ,
Послышалось: „иди! иди за мной!“
Я молвила: «Пантея, посмотри!»
Но въ глубинѣ очей, желанныхъ сердцу,
Все видѣла: „иди за мной!“

ЭХО.

За мной!

ПАНТЕЯ.

Смѣясь между собою вѣшнимъ утромъ,

Утесы вторятъ нашимъ голосамъ:
Подумать можно, будто ихъ устами
Вѣщаетъ духъ.

АЗІЯ.

Вкругъ этихъ скалъ нависшихъ
Какое-то вѣшаетъ существо.
Струятся звуки ясные! О, слушай!

ОТЗВУКИ ЭХО, НЕЗРИМЫЕ.

Мы отзвуки Эхо,
Мы вѣчно бѣжимъ,
Для жизни и смѣха
Рождаться спѣшимъ,—
Дитя Океана!

АЗІЯ.

Чу! межъ собою духи говорятъ.
Еще не смолкли плавные отвѣты
Воздушныхъ устъ. Сестра, ты слышишь?

ПАНТЕЯ.

Слышу.

ОТЗВУКИ ЭХО.

О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной!
Къ пещернымъ извивамъ,
По чащѣ лѣсной!

(Болѣе отдаленно)

О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной!
Звуки таютъ и плывутъ,
Улетаютъ и зовутъ,
Вслѣдъ за ними послѣши
Въ чашу лѣса, гдѣ въ тиши
Еле дышетъ межъ листовъ
Сладкій сонъ ночныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ не держитъ путь пчела,

Гдѣ и въ полдень вѣчно мгла,
 Гдѣ въ пещерахъ лишь ручьи
 Лбють сїанїя свои,
 Гдѣ нѣжнѣй твоихъ шаговъ
 Нашъ воздушный странный зовъ,—
 Дитя Оксана!

АЗІЯ.

Не слѣдовать ли намъ за роемъ звуковъ?
 Они уходятъ въ даль, они слабѣютъ.

ПАНТЕЯ.

Чу! ближе къ намъ опять плыветъ нацѣвъ!

ОТЗВУКИ ЭХО.

Въ безвѣстномъ молчанїи
 Спитъ мертвая рѣчь.
 Лишь ты въ состоянїи
 Тотъ голосъ зажечь,—
 Дитя Оксана!

АЗІЯ.

Отхлынулъ вѣтеръ, съ нимъ слабѣютъ звуки.

ОТЗВУКИ ЭХО.

О, слѣдуй призывамъ,
 За мною, за мной!
 Къ пещернымъ извивамъ,
 По чащѣ лѣсной!
 Звуки таютъ и плывутъ,
 Улетаютъ и зовутъ,
 Въ глушь лѣсную, гдѣ—роса,
 Гдѣ чуть видны небеса,
 Гдѣ въ ущельи древнихъ горъ
 Блещетъ зеркало озеръ,
 Гдѣ съ уклона на уклонъ
 Отъ ключей нисходитъ звонъ,
 Гдѣ когда-то Онъ, скорбя,

Удалился отъ тебя,
 Чтобъ теперь обняться вновь,
 Принести любви любовь,—
 Дитя Океана!

АЗІА.

О милая Пантея, дай мнѣ руку,
 Иди за мной, пока напѣвъ не смолкѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Лѣсъ, перемежающийся утесами и пещерами. Въ него входятъ Азіа и Пантея. Два молодые Фавна сидятъ на скалѣ и слушаютъ.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ ДУХОВЪ.

Прошла прекрасная чета,
 И путь ея покрыть тѣнями;
 Сокрыта неба красота,
 Какъ сѣть нависшими, вѣтвями;
 Здѣсь кедры, сосны, вѣчный тисъ
 Одной завѣсою сплелись.
 Сюда ни солнце, ни луна,
 Ни дождь, ни вѣтеръ не заходятъ;
 Здѣсь медлитъ вѣчная весна
 И росы дышущія бродятъ,
 Растутъ лавровые кусты,
 Глядятъ ихъ блѣдные цвѣты.

На мигъ возставши ото сна,
 Здѣсь тотчасъ вянетъ анемона;
 Звѣзда случайная, одна,
 Сюда заглянетъ съ небосклона;
 Но небо мчится. мчится прочь,
 И ту звѣзду сокрыла ночь.

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Здѣсь въ часъ полудня соловьи
 Поютъ о нѣгѣ сладострастья,
 Сперва одинъ мечты свои

Разскажетъ въ звукахъ, полныхъ счастья,—
 Всего себя изливши, вдругъ
 Онъ гаснетъ, полный сладкихъ мукъ.

Тогда въ плющѣ, среди вѣтвей,
 Слѣдя за звукомъ уходящимъ,
 Другой рокошетъ соловей,—
 И полонъ рокотомъ звенящимъ,
 И полонъ жаждою чудесъ,
 Внимаетъ чутко смутный лѣсъ.

И кто, войдя въ тотъ лѣсъ, молчить,
 Онъ крыльевъ быстрый плескъ услышитъ,
 И будто флейта прозвучитъ,
 И онъ, волнуясь, еле дышитъ,
 Его зоветъ куда-то вдаль
 До боли сладкая печаль.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Здѣсь нѣжный сонъ заворожень,
 Звения, кружатся отголоски,
 Имъ Демогоргонъ далъ законъ,
 Чтобъ вѣчно пѣли переплески;
 И власть онъ далъ имъ—всѣхъ вести
 На сокровенные пути.

Когда сурробы стають съ горъ,—
 Потокъ растетъ среди тумана,
 Ладья спѣшитъ въ морской просторъ,
 Въ неизмѣримость Океана;
 Такъ душу, полную заботъ,
 Неясный голосъ вдаль зоветъ.

И тѣхъ, кому настала предѣль,
 Какъ будто вѣтеръ приподниметь,
 Отъ ихъ всеневныхъ тусклыхъ дѣлъ

Умчить, и звуками обниметь;
И умъ не знаетъ, отчего
Такъ легокъ быстрый бѣгъ его.

Они спѣшать своимъ путемъ,
Плывутъ въ просторѣ незнакомомъ,
И звуки падаютъ дождемъ,
И гимнъ внезапно грянетъ громомъ,
И вѣтеръ мчитъ ихъ въ полумглѣ,—
Умчить къ таинственной скалѣ.

ПЕРВЫЙ ФАВНЪ.

Не можешь ли сказать мнѣ, гдѣ живутъ
Тѣ духи, что мелодіей пѣвучей
Звенять въ лѣсахъ? Заходимъ мы въ пещеры,
Гдѣ мало кто бываетъ,—въ глушь лѣсовъ,—
И знаемъ эти странныя созданья,
И часто слышимъ голосъ ихъ, но встрѣтить
Не можемъ никогда,—они дичатся.
Гдѣ прячутся они?

ВТОРОЙ ФАВНЪ.

Нельзя узнать.

Отъ тѣхъ, кто видѣлъ много разныхъ духовъ,
Такой рассказъ я слышала: чары солнца
Проходить съ высоты на дно затоновъ,
На илистое дно лѣсныхъ озеръ,
Тамъ блѣдныя подводныя растенья
Цвѣтутъ, и съ ихъ цвѣтовъ лучи дневные
Вливаютъ сокъ воздушныхъ пузырей;
Вотъ въ этихъ-то шатрахъ, такихъ прозрачныхъ,
Въ зеленой золотистой атмосферѣ,
Которую засвѣчиваетъ полдень,
Пройдя сквозь ткань листовъ переплетенныхъ,
Тѣ духи гармоничные живутъ;
Когда же ихъ жилища разлетятся,
И воздухъ, распаленный ихъ дыханьемъ,

Изъ этихъ замковъ свѣтлыхъ мчится къ небу,—
Они летятъ на искрахъ, гонятъ ихъ,
И внизъ полетъ блестящій направляютъ,
И вновь скользятъ огнемъ въ подводной мглѣ.

ПЕРВЫЙ ФАВНЪ.

О, если такъ, тогда другіе духи
Живутъ иною жизнью? Въ лепесткахъ
Гвоздики, въ колокольчикахъ лазурныхъ,
Ростущихъ на лугахъ? Внутри фіалокъ,
Иль въ ихъ душистой смерти—въ ароматѣ?
Иль въ капелькахъ сверкающей росы?

ВТОРОЙ ФАВНЪ.

И множество еще придумать можемъ
Для нихъ жилищъ. Но если будемъ мы
Стоять и такъ болтать,—Силень сердитый,
Увидѣвъ, что до полдня не дошли
Мы козъ его, начнетъ на насъ ворчать,
За то, что мы поемъ святыя гимны
О Хаосѣ, о Богѣ, о судьбѣ,
О случаѣ, Любви, и о Титанѣ,
Какъ терпитъ онъ мучительную участь,
Какъ будетъ онъ освобожденъ, чтобъ сдѣлать
Единымъ братствомъ землю,—тѣ напѣвы,
Которые мы въ сумерки поемъ,
Смягчая одиночество досуга
И заставляя смолкнуть соловьевъ,
Не знающихъ, что есть на свѣтѣ зависть.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Вершина скалы между горъ. Азія и Пантея.

ПАНТЕЯ.

Сюда привелъ насъ звукъ, на выси горъ,
Гдѣ царствуетъ могучій Демогоргонъ.
Встаютъ врата, подобныя жерлу
Вулкана, извергающаго искры

Падучихъ звѣздъ; на утрѣ дней, блуждая,
 Здѣсь люди одинокіе впиваютъ
 Дыханіе пророческихъ паровъ,
 Зовутъ ихъ добродѣтелью, любовью,
 Восторгомъ, правдой; гениемъ,—и пьютъ
 Хмѣльной напитокъ жизни, до подонковъ,
 Пока не опьянятъ себя,—и громко
 Кричатъ, какъ рой вакханокъ, «Эвоэ!»—
 Для міра заразителенъ тотъ голосъ.

АЗІЯ.

Престоль, достойный Власти! Что за пышность!
 Земля, о какъ прекрасна ты! И если
 Ты только тѣнь прекраснѣйшаго духа,
 И если запятнала язва зла
 Красивое и слабое созданье,—
 Я все-таки готова ницъ упасть,
 И передъ нимъ и предъ тобой молиться.
 И даже въ этотъ мигъ моя душа
 Готова обожать. О, какъ чудесно!
 Взгляни, сестра, пока еще пары
 Твой умъ не затуманили: подъ нами
 Нѣмая ширь волнистыхъ испареній,
 Какъ озеро въ какой-нибудь долині
 Среди Индійскихъ горъ, подъ небомъ утра
 Сверкающее блескомъ серебра!
 Смотри, равнина этихъ испареній,
 Подобная могучему приливу.
 Плыветъ, и верхъ скалы, гдѣ мы стоимъ,—
 Какъ островъ одинокій, посрединѣ;
 А тамъ, кругомъ, какъ поясъ исполнскій,
 Цвѣтущіе и темные лѣса,
 Прогалины, окутанныя мглою,
 Пещеры, озаренныя ключами,
 И вѣтромъ зачарованныя формы
 Кочующихъ и тающихъ тумановъ;

А дальше, съ горъ, прорѣзавшихъ лазурь,
 Отъ ихъ остроконечностей воздушныхъ,
 Встаётъ зоря, какъ брызги свѣтлой пѣны,
 Разбившейся объ островъ, гдѣ-нибудь
 Въ Атлантикѣ, по вѣтру Океана
 Разсыпавшей играющія блестки;
 Ихъ стѣны опоясали долину;
 Отъ ихъ обрывовъ, тронутыхъ тепломъ,
 Ревущіе струятся водопады
 И грохотомъ тяжелымъ насыщаютъ
 Заслушавшійся вѣтеръ; долгій гулъ,
 Возвышенный и страшный, какъ молчанье!
 Снѣгъ рушится! Ты слышишь? Это—солнце
 Лавину пробудило; тѣ громады,
 Просѣянные трижды горной бурей,
 По хлопьямъ собирались; такъ въ умахъ,
 На судъ зовущихъ небо, возникаетъ
 За думой дума властная, пока
 Не вырвется на волю пѣсня правды,
 И долгимъ эхомъ вторять ей народы.

ПАНТЕЯ.

Взгляни, прибой тумановъ безпокойныхъ
 Разсыпался у самыхъ нашихъ ногъ
 Багряной пѣной! Ширится все выше,
 Какъ волны Океана, повинувась
 Волшебной чарѣ мѣсяца.

АЗІЯ.

Обрывки

Огромныхъ тучъ развѣялись кругомъ;
 И вѣтеръ, что разноситъ ихъ, ворвался
 Въ волну моихъ волосъ; мои глаза
 Какъ будто слѣпнуть; умъ—въ водоворотъ;
 Рядъ образовъ прозрачныхъ предо мной!

ПАНТЕЯ.

Я вижу—вдаль зовущую улыбку!

И въ золотѣ кудрей огонь лазурный!
За тѣнью тѣнь! Они поютъ! Внимай!

пѣснь духовъ.

Внизъ, туда, гдѣ глубина,
Внизъ, внизъ!
Гдѣ у Смерти, въ царствѣ сна,
Съ Жизнью вѣчная война.
Дальше, сквозь обманъ вещей,
Бросивъ кладбище тѣней,
Гдѣ миражи обнялись,—
Внизъ, внизъ!

Неустанно звукъ спѣшитъ
Внизъ, внизъ!
Отъ собаки лань бѣжить;
Въ тучѣ молнія дрожить;
Смерть къ отчаянью ведетъ;
За любовью мука ждетъ;
Мчится все,—и ты умчись
Внизъ, внизъ!

Къ безднѣ вѣчной и сѣдой,—
Внизъ, внизъ!
Гдѣ ни солнцемъ, ни звѣздой
Не зажжется мракъ пустой,
Гдѣ всегда вездѣ—Одно,
Тѣмъ же все Однимъ полно,—
Въ эту бездну устремись,—
Внизъ, внизъ!

Въ глубь туманной глубины,—
Внизъ, внизъ!
Для тебя сохранены
Чаръ властительные сны,—
Цѣнный камень въ рудникахъ,
Голосъ грома въ облакахъ,—

Заклинанью подчинись,—
Внизъ, внизъ!

Мы тебя очаровали,
Заклинаніемъ связали,—
Внизъ, внизъ!

Съ утомленьемъ безъ печали
Сердцемъ кроткимъ не борись!
О, въ Любви такая сила,
Что се не побѣдила
Неуступчивость Судьбы,
И Вѣсмертный, Вѣсконечный
Эту кротость къ жизни вѣчной
Пробудилъ отъ сна борьбы!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пещера Демогоргона.— Азія и Пантея.

ПАНТЕЯ.

Какая форма, скрытая покровомъ,
Сидитъ на томъ эбеновомъ престолѣ?

АЗІЯ.

Покровъ упалъ.

ПАНТЕЯ.

Я вижу мощный мракъ,
Онъ дышетъ тамъ, гдѣ мѣсто царской власти,
И черные лучи струить кругомъ,—
Безформенный, для глазъ неразличимый;
Ни ясныхъ чертъ, ни образа, ни членовъ;
Но слышимъ мы, что это Духъ живой.

ДЕМОГОРГОНЪ.

Спроси о томъ, что хочешь знать.

АЗІЯ.

Что можешь

Ты мнѣ сказать?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Все, что спросить посмѣешь.

АЗІА.

Кто создалъ міръ живущій?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ.

АЗІА.

Кто создалъ

Все, что содержитъ онъ,—порывъ страстей,
Фантазію, разсудокъ, волю, мысль?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ: Всемогуцій Богъ.

АЗІА.

Кто создалъ чувство,

Что въ меркнувшихъ глазахъ рождаетъ слезы,
Свѣтлѣй, чѣмъ взоръ неплачущихъ цвѣтовъ,
Когда весенній вѣтеръ, пролетая,
Къ щекъ прильнетъ случайнымъ поцѣлуемъ,
Иль музыкой желанной прозвучитъ
Любимый голосъ,—то нѣмое чувство,
Что цѣлый міръ въ пустыню превращаетъ,
Когда, мелькнувъ, не хочетъ вновь блеснуть?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ, полный милосердія.

АЗІА.

Кто-жь создалъ

Раскаянье, безумье, преступленье,
И страхъ, и все, что, бросивъ цѣнь вещей,
Влачася, вползаетъ въ разумъ человѣка
И тамъ надъ каждымъ помысломъ виситъ,
Идя невѣрнымъ шагомъ къ смертной ямѣ?
Кто создалъ боль обманутой надежды,

И ненависть—обратный ликъ любви,
Презрѣніе къ себѣ—питье изъ крови,
И крикъ скорбей, и стоны безпокойства,
И Адъ, иль острый ужасъ Адскихъ мукъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Онъ царствуетъ.

АЗІА.

Скажи мнѣ только имя,—

Лишь имени его хотятъ страдальцы,
Проклятія его повергнуть ницъ.

ДЕМОГОРГОНЪ.

Онъ царствуетъ.

АЗІА.

Я вижу, знаю. Кто?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Онъ царствуетъ.

АЗІА.

Кто царствуетъ? Въ началѣ
Повсюду были—Небо и Земля,
Любовь и Свѣтъ; потомъ Сатурнъ явился,
Съ его престола Время снизошло,
Завистливая тѣнь. Въ его правленье
Всѣ духи первобытные земли
Спокойствіемъ и радостью дышали,
Какъ тѣ цвѣты, которыхъ не коснулся
Ни вѣтеръ изсушающій, ни зной,
Ни ядъ червей подуживыхъ; но не далъ
Онъ права имъ—рождать себѣ подобныхъ.
Ни знанія, ни власти, ни умѣнья
Повелѣвать движеніями стихій,
Ни мысли проникающей, какъ пламя,
Въ туманный міръ, ни власти надъ собою,
Ни стройнаго величія любви,
Чего имъ такъ хотѣлось. И тогда-то

Юпитеру далъ мудрость Прометей,
 А мудрость—власть; и лишь съ однимъ закономъ—
 «Пусть вѣчно будетъ вольнымъ человѣкомъ!»—
 Ему все Небо сдѣлалъ онъ подвластнымъ.
 Не вѣдать ни закона, ни любви,
 Ни вѣры; быть всесильнымъ, не имѣя
 Друзей,—то значить царствовать; и вотъ
 Юпитеръ царствовалъ; угрюмымъ роємъ
 На родъ людской съ небесъ низверглись бѣды;
 Свирѣпый голодъ, темный рядъ заботъ,
 Несчастія, болѣзни и раздоры,
 И страшный призракъ смерти, неизвѣстный
 Дотолъ никому; попеременно
 То зной, то холодъ, сонмомъ стрѣлъ своихъ,
 Въ безвременное время безпріютныхъ
 Погналъ къ пещерамъ горнымъ: тамъ себѣ
 Нашли берлогу блѣдные народы;
 И въ ихъ сердца пустынные послалъ онъ
 Кипящія потребности, безумство
 Тревоги жгучей, мнимыхъ благъ миражъ,
 Поднявшій смуту войнъ междоусобиныхъ
 И сдѣлавшій пріютъ людей—вертепомъ.
 Увидѣвъ эти бѣды, Прометей
 Своимъ призывомъ ласковымъ навѣялъ
 Дремоту многоликихъ упованій,
 Чье ложе—Элизійскіе цвѣты,
 Нетлѣнный Амарантъ, Нипенсисъ, Моли.
 Чтобъ эти пробужденныя надежды,
 Прозрачностью небесно-нѣжныхъ крылъ,
 Какъ радугой, закрыли призракъ Смерти.
 Послалъ Любовь связать единой сѣтью
 Сердца людей,—побѣги винограда,
 Дающаго напитокъ бытія,
 Смирилъ огонь,—и пламя, точно звѣрь,
 Хоть хищный, но ручной, рѣзвиться стало
 Отъ одного движенія глазъ людскихъ;

И золото съ желѣзомъ, знаки власти,
 Ея рабы, сокрытыя въ землѣ,
 Покорны стали волѣ человѣка,—
 И цѣнные каменья, и яды,
 И сущности тончайшія, что скрыты
 Въ водѣ и въ нѣдрахъ горъ; онъ человѣку
 Далъ слово, а изъ слова мысль родилась,
 Что служить измѣреніемъ вселенной;
 И Знаніе, упорный врагъ преградъ,
 Поколебало мощные оплоты
 Земли и Неба; стройный умъ явился
 Въ пророческихъ напѣвахъ; духъ того,
 Кто слушалъ вздохи звуковъ гармоничныхъ,
 Возвысился, пока не сталъ блуждать
 По свѣтлой зыби музыки, изъятый
 Изъ тьмы заботъ, изъ смертнаго удѣла,
 Какъ Богъ; и стали руки человѣка
 Ваянія изъ камня создавать,
 Сначала зримымъ формамъ подражая,
 Потомъ превосходя ихъ такъ высоко,
 Что мраморъ сталъ печатью Божества.
 Ключей и травъ сокрытую цѣлебность
 Истолковалъ,—Недугъ вкусилъ и спалъ.
 И смерть, какъ сонъ, являться людямъ стала.
 Онъ изъяснилъ запутанность орбитъ,
 Разоблачилъ пути свѣтилъ небесныхъ,
 И все сказалъ онъ—какъ мѣняеть солнце
 Прибѣжище свое въ скитаньяхъ вѣчныхъ,
 Какая власть чаруетъ блѣдный мѣсяцъ,
 Когда его мечтательное око
 Не смотритъ на подлунныя моря;
 Онъ научилъ людей, какъ нужно править
 Крылатой колесницей Океана,
 И Кельтъ узналъ Индійца. Въ эти дни
 Воздвиглись города; чрезъ ихъ колонны,
 Сверкающія снѣжной бѣлизной,

Повѣяли ласкающіе вѣтры,
 Съ высотъ нѣ нихъ глядѣлъ эфиръ лазурный,
 Вдали виднѣлось море голубое,
 Тѣнистые холмы. Такія были
 Дарованы улады Прометеемъ,
 Чтобъ человѣкъ имѣлъ иной удѣлъ;
 И вотъ за это онъ виситъ и терпитъ
 Назначенныя пытки. Кто же въ мірѣ
 Является владыкой темныхъ золь,
 Чумы неизлѣчимой, той отравы,
 Которая,—лишь стоитъ человѣку
 Великое создать и поглядѣть
 Съ божественнымъ восторгомъ на созданье,—
 Слѣшнить скорѣй клеймомъ его отмѣтить,
 И дѣлаетъ скитальцемъ, отщепенцемъ,
 Отверженнымъ посмѣшищемъ земли?
 Юпитеръ? Нѣтъ: когда, отъ гнѣва хмураясь,
 Онъ небо сотрясалъ, когда противникъ
 Его въ своихъ цѣпяхъ алмазныхъ проклялъ,—
 Онъ самъ дрожалъ, какъ рабъ. Молю, открой же.
 Кто господинъ его? И рабъ-ли онъ?

демогоргонъ.

Всѣ духи,—если служатъ злу,—рабы.
 Таковъ иль нѣтъ Юпитеръ,—можешь видѣть.

азія.

Скажи, кого ты Богомъ называешь?

демогоргонъ.

Я говорю, какъ вы. Юпитеръ—высшій
 Изъ всѣхъ существъ, которыя живутъ.

азія.

Кому подвластенъ рабъ?

демогоргонъ.

Возможно-ль безднѣ
 Извергнуть сокровенность изъ себя!

Нѣтъ образа у истины глубокой,
 Нѣтъ голоса, чтобъ высказать ее.
 И будетъ ли тебѣ какая польза,
 Когда передъ тобой весь міръ открою
 Съ его круговращеніемъ? Заставлю
 Бесѣдовать Судьбу, Удачу, Случай,
 Измѣнчивость, и Время? Имъ подвластно
 Все, кромѣ нескончаемой Любви.

АЗІЯ.

Такъ много вопрошала я,—и въ сердцѣ
 Всегда отвѣтъ такой же находила,
 Какъ ты давалъ; для этихъ истинъ каждый
 Въ себѣ самомъ найти оракулъ долженъ.
 Еще одно спрошу я, и отвѣтъ,
 Какъ мнѣ моя душа отвѣтъ дала бы,
 Когда бы знала то, о чемъ прошу я.
 Въ урочный часъ возстанетъ Прометей
 И будетъ солнцемъ въ мірѣ возрожденномъ.
 Когда же этотъ часъ придетъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Смотри!

АЗІЯ.

Раздвинулся утесъ, въ багряной ночи
 Я вижу—быстро мчатся колесницы,
 На радужныхъ крылахъ несутся кони
 И топчутъ мракъ вѣтровъ; ихъ гонять вдаль
 Возницы съ удивленными глазами,
 Съ безумнымъ взоромъ; тотъ глядитъ назадъ,
 Какъ будто врагъ за нимъ заклятый мчится,
 Но сзади только—лики яркихъ звѣздъ;
 Другіе, съ лучезарными очами,
 Впередъ перегибаются—и жадно
 Впиваютъ вѣтеръ скорости своей,
 Какъ будто тѣнь, что такъ для нихъ желанна,

Предъ ними—тутъ—несется—и они
Ее сейчасъ обнимутъ—обнимаютъ;
Ихъ локоны блестящіе струятся,
Какъ вспыхнувшіе волосы кометъ;
И всё, легко скользя, стремятся дальше,
Все дальше.

ДЕМОГОРГОНЪ.

То безсмертные Часы,
О нихъ ты вопрошала за минуту.
Одинъ съ тобою хочеть говорить.

АЗІА.

Съ лицомъ ужаснымъ, духъ одинъ замедлилъ
Полетъ послѣдній темной колесницы
Надъ бездною разорванныхъ утесовъ.
Ты, страшный, ты, на братьевъ непохожій,
Скажи мнѣ, кто ты? Дай мнѣ знать, куда
Меня умчишь?

ДУХЪ.

Я тѣнь назначенья.
Страшнѣйшаго, чѣмъ этотъ видъ ужасный.
И не зайдетъ еще вонъ та планета,
Какъ черный мракъ, со мною восходящій,
Неумолимой ночью обойметъ
Небесный троя, царя небесъ лишѣнный.

АЗІА.

Что хочешь ты сказать?

ПАНТЕА.

Тотъ страшный призракъ
Сплываетъ вверхъ съ престола своего,
Какъ всплыть бы надъ равниною морскою
Зловѣще-синій дымъ землетрясенья,
Дыхавіе погибшихъ городовъ.
Смотри: на колесницу онъ восходитъ.

Объяты страхомъ, кони понеслись.
Смотри, какъ путь его межъ звѣздъ небесныхъ
Чернѣть въ черной ночи!

АЗІА.

То—отвѣтъ.

Не странно ли!

ПАНТЕЯ.

Взгляни: у края бездны

Другая колесница; въ перламутрѣ
Играетъ алый пламень, измѣняясь
По краю этой раковины нѣжной,
Какъ кружево сквозное; юный духъ,
Сидящій въ ней, глядитъ, какъ духъ надежды;
Улыбка голубинныхъ глазъ его
Притягиваетъ душу; такъ во мракѣ
Лампада манитъ бабочекъ ночныхъ.

ДУХЪ.

Поспѣшностью молній лучистыхъ

Пою я проворныхъ коней,
Съ зарею, межъ тучъ золотистыхъ,
Купаю ихъ въ морѣ огней.
Быстрота! Что сравняется съ ней!
Улетимъ же, о дочь Океана!

Я жажду: и полночь блистаетъ;

Боюсь: отъ Тифона уйдемъ;
И съ Атласа туча не стаетъ,
Какъ землю съ луной обогнемъ.
Отъ скитаній мы въ полдень вздохнемъ.
Улетимъ же, о дочь Океана!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Колесница останавливается въ облакъ на вершинѣ снѣжной горы. Азія,
Пантея и Духъ Часа.

ДУХЪ.

Гдѣ разсвѣтъ и ночная прохлада,
Тамъ былъ отдыхъ всегда для коня.
Но Земля прошептала, что надо
Гнать коней съ быстротою огня,—
Пусть дыханіе пьютъ у меня!

АЗІЯ.

Ты дышешь въ ноздри имъ, но я могла бы,
Вздохнувъ, придать имъ больше быстроты.

ДУХЪ.

Увы! нельзя.

ПАНТЕЯ.

Скажи, о Духъ, откуда
Свѣтъ въ облакъ? Вѣдь солнце не взошло!

ДУХЪ.

Оно взоидетъ сегодня только въ полдень.
На небѣ Аполлонъ удержанъ чудомъ,
И этотъ свѣтъ, подобный легкой краскѣ
Въ водѣ—отъ розъ, глядящихся въ фонтанъ,
Исходитъ отъ твоей сестры могучей.

ПАНТЕЯ.

Да, чувствую, что...

АЗІЯ.

Что съ тобой, сестра?

Блѣднѣешь ты.

ПАНТЕЯ.

О, какъ ты измѣнилась!
Не смѣю на тебя взглянуть. Не вижу,
Лишь чувствую тебя. Почти не въ силахъ

Переносить сіянье красоты.
 Я думаю, въ стихіяхъ совершилась
 Благая переменѣна, если могутъ
 Они терпѣть присутствіе твое,
 Не скрытое покровомъ. Неренды
 Разсказывали мнѣ, что въ день, когда
 Раздвинулась прозрачность океана,
 И ты стояла въ раковинѣ свѣтлой,
 По глади водъ хрустальныхъ уплывая,
 Межъ острововъ Эгейскихъ, къ берегамъ,
 Что носятъ имя Азіи,—любовью,
 Внезапно засверкавшей отъ тебя,
 Наполнился весь міръ, какъ свѣтомъ солнца,—
 И небо, и земля, и океанъ,
 И темныя пещеры,—до тѣхъ поръ,
 Пока печаль—въ душѣ, откуда встала,—
 Не создала затменія; теперь
 Не я одна, твоя сестра, подруга,
 Избранница,—а цѣлый міръ со мной
 Въ тебѣ найти сочувствіе хотѣлъ бы.
 Ты слышишь звуки въ воздухѣ? То вѣсть
 Любви всѣхъ тѣхъ, въ комъ есть душа и голосъ.
 Ты чувствуешь, что даже мертвый вѣтеръ
 Къ тебѣ любовью страстной дышетъ? Чу!

(Музыка)

АЗІЯ.

Твои слова—какъ эхо словъ его;
 По нѣжности однимъ лишь имъ уступать.
 Но всякая любовь нѣжна,—и та,
 Что ты даешь, и та, что получаешь;
 Любовь—для всѣхъ, какъ свѣтъ; и никогда
 Ея знакомый голосъ не наскучитъ;
 Какъ даль небесъ, какъ все хранящій воздухъ,
 Она черви равняетъ съ Божествомъ.
 И кто внушитъ любовь, тотъ сладко счастливъ,

Какъ я теперь; но кто полюбитъ самъ,
Насколько онъ счастливѣй, послѣ скорби,
Какъ скоро буду я.

ПАНТЕЯ.

О, слушай! Духи!

Голосъ въ воздухъ, поющій.

Жизни Жизнь! Любовью дышетъ

Воздухъ между губъ твоихъ;

Счастливъ тотъ, кто смѣхъ твой слышитъ.

Спрячь его въ глазахъ своихъ;

Кто туда свой взглядъ уронитъ,

Въ лабиринтъ ихъ потонетъ.

Чадо Свѣта! Твой покровъ

Свѣтлыхъ членовъ не скрываетъ;

Такъ завѣсу облаковъ

Блескъ разсвѣта разрываетъ;

И куда бы ты ни шла,

Вокругъ тебя растаетъ мгла.

Красота твоя незрима,

Только голосъ внятенъ всѣмъ,

Ты для сердца ощутима,

Но невидима никѣмъ,

Души всѣхъ съ тобой, какъ звенья,—

Я, погибшее видѣнье.

Свѣтъ Земли! Вездѣ, гдѣ ты,

Тѣни, въ блескѣ, бродятъ стройно,

Въ ореолъ красоты

По вѣтрамъ идутъ спокойно,

И погибнуть—не скорбя,

Ярко чувствуя тебя.

АЗІЯ.

Моя душа—какъ лебедь сонный,

И какъ челнокъ замороженный,

Скользя въ волнахъ серебрянаго пѣня.
 А ты, какъ ангелъ бѣлоснѣжный,
 Ладью влечешь рукою пѣжной,
 И вѣтры чуть звенятъ, ища забвенья.
 Тотъ звукъ впередъ ее зоветъ,
 И вотъ душа моя плыветъ
 Въ рѣкѣ, среди излучинъ длинныхъ,
 Средь горъ, дѣсовъ, средь новыхъ водъ,
 Среди какихъ-то мѣстъ пустынныхъ.
 И мнѣ ужъ снится Океанъ,
 И я плыву, за мной—туманъ,
 И сквозь волнение,
 Сквозь упоенье,
 Все ярче ширится немолкнувшее пѣнье,
 И я кружусь въ звенящей мглѣ забвенья.
 Все выше мчимся мы, туда,
 Гдѣ свѣтъ гармоніи всегда,
 Гдѣ небеса всегда прекрасны.
 И нѣтъ течений, нѣтъ пути,
 Но намъ легко свой путь найти,
 Мы чувству музыки подвластны,
 И мы спѣшимъ. Отъ лучшихъ сновъ,
 Отъ Элизійскихъ острововъ,
 Ты мчишь ладью моихъ желаній,
 Въ иныя сферы бытія,—
 Туда, гдѣ смертная ладья
 Еще не вѣдала скитаній,—
 Въ тотъ свѣтлый край, гдѣ все любовь,
 Гдѣ чище волны, вѣтры тише,
 Гдѣ землю, узрѣнную вновь,
 Соединимъ мы съ тѣмъ, что всѣхъ предчувствій выше.
 Покинувъ Старости пріютъ,
 Гдѣ льды свой блескъ холодный льютъ,
 Мы Возмужалость миновали,
 И Юность, ровный океанъ,
 Гдѣ все—улыбка, все—обманъ,

И дѣтство, чуждое печали.
Сквозь Смерть и Жизнь—къ иному дню,
Къ небесно-чистому огню,—
Чтобъ вѣчно дали голубѣли!
Въ Эдемъ уютной красоты,
Гдѣ внизъ глядящіе цвѣты
Струять сіянье въ колыбели,—
Гдѣ миръ, гдѣ мѣста нѣтъ борьбѣ,
Гдѣ жизнь не будетъ сномъ докучнымъ,
Гдѣ тѣни, близкія тебѣ,
Блуждаютъ по морямъ, съ напѣвомъ сладкозвучнымъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Небо.—Юпитеръ на престолѣ; Оетида и другія Божества.

ЮПИТЕРЪ.

Союзъ, подвластный мнѣ,—о силы неба,
 Вы дѣлите со мною власть и славу,
 Ликуйте! Я отинѣ всемогущъ.
 Моей безмѣрной силѣ все подвластно,
 Лишь духъ людской, огнемъ неугасимымъ,
 Еще горитъ, взметаясь къ небесамъ,
 Съ упреками, съ сомнѣньемъ, съ буйствомъ жалобъ,
 Съ молитвой неохотной,—громоздя
 Возстаніе, способное подрывъ
 Подъ самыя основы нашей древней
 Монархіи, основанной на вѣрѣ
 И страхѣ, порожденномъ вмѣстѣ съ адомъ.
 Какъ хлопья снѣга въ воздухѣ летятъ,
 Къ утесу прилиная,—такъ въ пространствѣ
 Безчисленность моихъ проклятій людямъ
 Пристала къ нимъ, заставила взбираться
 По скатамъ жизни, ранящимъ ихъ поги,
 Какъ ранить ледъ лишеннаго сандалій,—
 И все-таки они, превыше бѣдъ,
 Стремятся ввысь, но часъ паденья близокъ:
 Вотъ только-что родилъ я чудо міра,
 Дитя предназначенья, страхъ земли,

И ждетъ оно медлительнаго часа,
 Чтобъ съ трона Демогоргона примчать
 Чудовищную силу вѣчныхъ членовъ,
 Которой этотъ страшный духъ владѣтъ,—
 Оно сойдетъ на землю и растопчетъ
 Мятежный духъ возстанья.

Ганимедь,

Налей вина небеснаго, наполни
 Какъ бы огнемъ Дедаловскія чаши.
 И ты, союзъ торжественныхъ гармоній,
 Воспрянь въ цвѣтахъ отъ напитковъ небесныхъ.
 Всѣ пейте, всѣ,—покуда свѣтлый нектаръ
 Въ крови у васъ, о Геній безсмертья,
 Не поселить духъ радости живой,
 И шумная восторженность прорвется
 Въ одномъ протяжномъ говорѣ, подобномъ
 Напѣвамъ Элизійскихъ бурь.

А ты,

Блестящій образъ вѣчности, Тетида,
 Взойди и сядь на тронъ со мною рядомъ.
 Въ сіяніи желанія, которымъ
 И я, и ты сливаемся въ одно.
 Когда кричала ты: «О всепобѣднй
 Богъ, пощади меня! Изнемогаю!
 Присутствіе твое—огонь палящій;
 Я таю вся, какъ тотъ, кого сгубила
 Отравой Нумидійская змѣя.»—
 Въ то самое мгновеніе два духа
 Могучіе, смѣшавшись, породили
 Сильнѣйшаго, чѣмъ оба; онъ теперь
 Невоплощенный между насъ витаетъ
 Невидимо; онъ ждетъ, чтобы къ нему
 Отъ трона Демогоргона явилось
 Живое воплощенье! Чу! грохочутъ
 Среди вѣтровъ колеса изъ огня!
 Побѣда! Слышу громъ землетрясенья.

Побѣда! Въ быстролетной колесницѣ
 Тотъ мощный духъ спѣшитъ на высь Олимпа.
*(Приближается колесница Часа. Демогоргонъ сходитъ и направ-
 ляется къ трону Юпитера)*

Чудовищная форма, кто ты?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вѣчность.

Не спрашивай названія страшнѣе.
 Сойди, и въ бездну уходи со мною.
 Тебя Сатурнъ родилъ, а ты меня,
 Сильнѣйшаго, чѣмъ ты; и мы отнынѣ
 Съ тобою будемъ вмѣстѣ жить во тьмѣ.
 Не трогай молній. Въ небѣ за тобою
 Преемника не будетъ. Если-жъ хочешь,
 Съ червемъ полураздавленнымъ сравняйся,—
 Онъ корчится, покуда не умретъ,—
 Что-жъ, будь червемъ.

ЮПИТЕРЪ.

Исчадые омерзенья!

Въ глубокихъ Титаническихъ пещерахъ
 Тебя я ростопчу. Вотъ такъ! Ты медлишь?

Пощады, о, пощады! Нѣтъ ея!
 Ни жалости, ни капли снисхожденія!
 О, если-бъ врагъ мой былъ моимъ судьей,
 Хоть тамъ, гдѣ онъ виситъ въ горахъ Кавказа,
 Прикованный моею долгой мстью,
 Не такъ бы онъ судилъ меня. Скажи мнѣ,
 Онъ кроткій, справедливый и безстрашный,
 Монархъ вселенной? Кто же ты? Скажи!
 Отвѣта нѣтъ.

Такъ падай же со мною.

Въ угрюмыхъ зыбяхъ гибели умчима,
 Какъ коршунъ съ истощенною змѣей,

Сплетенные въ одномъ объятии схватки
 Низвергнемся въ безбрежный океанъ,
 Пусть адское жерло испуститъ пламя,
 Пусть въ эту бездну огненную рухнётъ
 Опустошенный міръ, и ты, и я,
 И тотъ, кто побѣждёнъ, и побѣдитель,
 И выброски ничтожныя того,
 Изъ-за чего была борьба.

О, горе!

Не слушаютъ меня стихіи. Внизъ!
 Лечу! Все ниже, ниже! Задыхаюсь!
 И, словно туча, врагъ мой торжествомъ
 Темнить мое паденіе. О, горе!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Устье широкой рѣки на островѣ Атлантидѣ. — Океанъ, склонившійся около берега. — Аполлонъ возлѣ него.

ОКЕАНЪ.

Ты говоришь: онъ палъ? Низвергнуть въ бездну
 Подъ гнѣвомъ побѣдителя?

АПОЛЛОНЪ.

Да! Да!

И лишь борьба, смутившая ту сферу,
 Что мнѣ подвластна, кончилась, и звѣзды
 Недвижныя на небѣ задрожали, —
 Какъ ужасъ глазъ его кровавымъ свѣтомъ
 Все небо озарилъ, и такъ онъ палъ
 Сквозь полосы ликующаго мрака
 Последней вспышкой гаснущаго дня,
 Горящаго багряной агоніей
 По склону неба, смятаго грозой.

ОКЕАНЪ.

Онъ палъ въ туманность бездны?

АПОЛЛОНЪ:

Какъ орель,
 Застигнутый надъ высями Кавказа
 Взорвавшеюся тучей, въ бурѣ бьется,
 И съ вихремъ обнимается крылами,—
 И взоръ очей, глядѣвшихъ прямо въ солнце,
 Отъ блеска ярко-бѣлыхъ молній слѣпнетъ,
 А градъ тяжелый бьетъ его, пока
 Онъ внизъ не устремится, точно камень,
 Облѣпленный воздушнымъ цѣпкимъ льдомъ.

ОКЕАНЪ.

Отнынѣ подъ мятежными вѣтрами
 Поля морей, куда глядится Небо,
 Не будутъ подниматься тяжело,
 Запятнанныя кровью; нѣтъ, какъ нивы,
 Едва шумя въ дыханьи лѣтнихъ дней,
 Они чуть слышно будутъ волноваться;
 Мои потоки мирно потекутъ
 Вокругъ материковъ, кишащихъ жизнью,
 Вкругъ острововъ, исполненныхъ блаженства;
 И съ троновъ глянцевитыхъ будетъ видно
 Протею голубому, влажнымъ нимфамъ,
 Какъ будутъ плыть нѣмые корабли;
 Такъ смертные, поднявъ глаза, взирають
 На быструю ладью небесъ—луну,
 Съ наполненными свѣтомъ парусами
 И съ рулевымъ—вечернею звѣздой,
 Влекомой въ быстрой зыби, по отливу
 Темнѣющаго дня; мои валы
 Въ скитаніяхъ не встрѣтятъ криковъ скорби,
 Не встрѣтятъ ни насилія, ни рабства,
 А лики—въ глубь глядящихся—цвѣтовъ,
 Дыханіе пловучихъ ароматовъ,
 И сладостныхъ напѣвовъ музыкальность,
 Какая духамъ грезится.

АПОЛЛОНЪ.

А я

Не буду видѣть темныхъ злодѣяній,
 Мрачащихъ духъ мой скорбью, какъ затмение
 Подвластную мнѣ сферу омрачаетъ.
 Но чу! звенить серебряная лютня,
 То юный духъ на утренней звѣздѣ
 Изъ струнъ воздушность гимна исторгаетъ.

ОКЕАНЪ.

Спѣши. Твои недремлющіе кони
 Подъ вечеръ отдохнуть. Пока прощай.
 Морская глубь зоветъ меня протяжно,
 Чтобъ я питалъ ее лазурной нѣгой,
 Что въ урнахъ изумрудныхъ, въ преизбыткѣ.
 Скопляется у трона моего.
 Смотри, изъ волнъ зеленыхъ Нереиды
 Возносятъ по теченью, какъ по вѣтру,
 Волнующихся членовъ красоту,
 Приподняты ихъ руки къ волосамъ,
 Украшеннымъ гирляндами растений,
 Морскими звѣздоносными цвѣтами,—
 Они спѣшаютъ привѣтствовать восторгъ
 Своей сестры могучей.

(Слышенъ звукъ волнъ)

Это—море

Спокойной нѣги жаждать. Подожди же,
 Чудовище. Иду! Прощай.

АПОЛЛОНЪ.

Прощай.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Кавказъ.—Прометей, Гераклесъ. Иона, Земля, Духи, Азія и Пантеон
несутся въ колесницѣ вмѣстѣ съ Духомъ Часа.

Гераклесъ освобождаетъ Прометея; Прометей сходитъ внизъ.

ГЕРАКЛЕСЪ.

Славнѣйшій въ царствѣ духовъ! Такъ должна
Служить, какъ рабъ, властительная сила
Предъ мудростью, предъ долгою любовью
Предъ мужествомъ,—передъ тобой, въ чемъ сердца
Всѣхъ этихъ свѣтлыхъ качествъ совершенство.

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова желаннѣй для меня,
Чѣмъ самая свобода, о которой
Такъ долго, такъ мучительно мечталъ я.
Внемлите мнѣ—ты, Азія моя,
Свѣтъ жизни, тѣнь неузнаннаго солнца,
Вы, сестры-нимфы, сдѣлавшія мнѣ
Года жестокихъ пытокъ снова чудеснымъ,
Любовью вашей скрашеннымъ навѣкъ,—
Отнынѣ мы не будемъ разлучаться.
Здѣсь есть пещера; вся она кругомъ
Обвита сѣтью вьющихся растений,
Семьей цвѣтовъ,—преградою для дня;
Мерцаетъ полъ отливомъ изумруда,
Звучитъ фонтанъ, какъ пѣсня пробужденія;
Съ изогнутаго верха сходить внизъ,
Какъ серебро, какъ снѣгъ, какъ брилліанты,
Холодныя спирали, слезы горь,
Струять вокругъ невѣрное сіянье;
И слышенъ здѣсь всегда-подвижный воздухъ,
Отъ дерева онъ къ дереву спѣшитъ,
Съ листа на листъ; тотъ рокотъ—внѣ пещеры;
И слышно пѣнье птицъ, жужжанье пчелъ;
Повсюду видны мшистыя сидѣнья,

И камни стѣны украшены травой,
 Продолговатой, сочной; здѣсь мы будемъ
 Въ жилищѣ невзыскательномъ сидѣть,
 Бесѣдовать о времени, о мірѣ,
 О томъ, какъ въ немъ приливы и отливы
 Проходятъ цѣлымъ рядомъ перемѣнъ,
 Межъ тѣмъ какъ мы отъ вѣка неизмѣнны,—
 О томъ, какъ человѣка уберечь
 Отъ узъ его измѣнчивости вѣчной.
 Вздохнете вы, и я вамъ улыбнусь,
 А ты, Иона, слухъ нашъ зачаруешь,
 Припомнивъ звуки музыки морской,—
 Пока изъ глазъ моихъ не брызнуть слезы,
 Чтобъ вы улыбкой стерли ихъ опять.
 Переплетемъ лучи, цвѣты, и почки,
 Сплетемъ изъ повседневности узоры,
 Нежданные по странности своей,—
 Какъ то доступно дѣтямъ человѣка
 Въ разсвѣтъ ихъ невинности; мы будемъ
 Упорствомъ словъ любви и жадныхъ взглядовъ
 Искать сокрытыхъ мыслей, восходя
 Отъ свѣтлаго къ тому, въ чемъ больше свѣта,
 И точно лютни, тронуты въ бурю
 Воздушнымъ поцѣлуемъ, создадимъ
 Все новыхъ-новыхъ звуковъ гармоничность,
 Изъ сладостныхъ различій безъ вражды;
 Со всѣхъ концовъ небесъ примчатся съ вѣтромъ,—
 Какъ пчелы, что съ цвѣтовъ воздушныхъ Энны
 Летятъ къ своимъ знакомымъ островамъ,
 Домамъ въ Химерѣ,—отзвуки людскіе,
 Почти неслышимый тихій вздохъ любви,
 И горестное слово состраданья,
 И музыка, сердечной жизни эхо,
 И все, чѣмъ человѣкъ, теперь свободный,
 Смягчается и дѣлается лучшимъ;
 Красивыя видѣнія,—сперва

Туманныя, блистательныя позже,
 Какъ умъ, въ который брошены лучи
 Отъ тѣснаго объятія съ красотою,—
 Прибудутъ къ намъ: безсмертное потомство,
 Чьи свѣтлыя родители—Ваянье
 И Живопись, и сказочный восторгъ
 Поэзіи, и многія искусства,
 Что въ эти дни невѣдомы мечтѣ,
 Но будутъ ей открыты; рой видѣній,
 Призывы, откровенія того,
 Чѣмъ будетъ человѣкъ,—восторгъ предчувствій,
 Связующихъ зиждительной любовью
 Людей и насъ,—тѣ призраки и звуки,
 Что быстро измѣняются кругомъ,
 Становятся прекраснѣй и нѣжнѣе,
 Въ то время какъ добро сильнѣй растетъ
 Среди людей, бѣгущихъ отъ ошибокъ.
 Такихъ-то чаръ исполнена пещера
 И все вокругъ нея.

(Обращаясь къ Духу Часа)

Прекрасный Духъ,

Еще одно сверши предназначенье.
 Дай раковину свѣтлую, Иона,
 Которую изъ моря взялъ Протей
 Для Азін, какъ свадебный подарокъ:
 Дыша въ нее, онъ вызоветъ въ ней голосъ,
 Тобою скрытый въ травахъ подъ скалой.

ІОНА.

Желанный Часъ, изъ всѣхъ Часовъ избранникъ.
 Вотъ раковина тайная, возьми;
 Играютъ въ ней мистическія краски,
 Лазурь, блѣднѣя, чистымъ серебромъ
 Ее живить и нѣжно одѣваетъ:
 Неправда ли, она какъ тотъ напѣвъ,
 Что дремлетъ въ ней, мечтою убаюканъ?

ДУХЪ.

Да, въ водахъ Океана нѣтъ другой,
Чтобъ съ ней могла сравниться; въ ней, конечно,
Сокрѣтъ напѣвъ—и сладостный, и странный.

ПРОМЕТЕЙ.

Спѣши, лети надъ сонмомъ городовъ,
Пусть кони вѣтроногіе обгоняютъ
Стремительное солнце, вокругъ земли
Свершающее путь; буди повсюду
Горящій воздухъ; въ раковинѣ свѣтлой
Могучесть звуковъ скрытыхъ воззови,—
На этотъ громъ Земля отвѣтитъ эхомъ,
Потомъ вернись, и будешь вмѣстѣ съ нами
Въ пещерѣ жить. А ты, о Мать Земля—

ЗЕМЛЯ.

Я слышу, слышу устъ родныхъ дыханье,
Твое прикосновеніе доходитъ
До центра брилліантоваго мрака,
Что бьется въ нервахъ мраморныхъ моихъ.
О жизнь! О радость! Чувствую дыханье
Безсмертно-молодое! Вкругъ меня
Какъ будто мчатся огненные стрѣлы.
Отнынѣ въ лонѣ ласковомъ моемъ
Всѣ дѣтища мои, растенья, рыбы,
Животныя, и птицы, и семья
Ползучихъ формъ и бабочекъ цвѣтистыхъ,
Летающихъ на радужныхъ крылахъ,
И призраки людскіе, что отраву
Въ груди моей увядшей находили,—
Теперь взаимѣну яда горькихъ мукъ
Найдутъ иную сладостную пищу;
Всѣ будутъ для меня—какъ антилопы,
Рожденныя одной красивой самкой,
Всѣ будутъ нѣжно-чистыми, какъ снѣгъ,
И быстрыми, какъ вѣтеръ безпокойный,

Питаемый шумящею рѣкой
 Средь бѣлыхъ лилій; сонъ мой будетъ рѣять
 Росистыми туманами надъ міромъ,—
 Бальзамъ для всѣхъ, кто дышетъ въ царствѣ звѣздъ;
 Цвѣты, свернувъ листки свои во мракъ,
 Найдутъ во снѣ таинственныя краски,
 Что раньше имъ не грезились; а люди
 И звѣри, въ сладкой нѣгѣ сновъ ночныхъ,
 Для зрѣющаго дня найдутъ блаженство
 Нетронутыхъ, нерасточенныхъ силъ;
 И будетъ смерть—объятіемъ послѣднимъ
 Той матери, что жизнь дала ребенку
 И шепчетъ: «Милый, будь со мной всегда».

АЗІЯ.

Зачѣмъ ты вспоминаешь имя смерти?
 Скажи, родная, тотъ, кто умираетъ,
 Перестаетъ глядѣть, дышать, любить?

ЗЕМЛЯ.

Могу ли я отвѣтить? Ты безсмертна,
 А эта рѣчь понятна только тѣмъ,
 Кто мертвое хранить молчанье, мертвый;
 Смерть есть покровъ, который въ царствѣ жизни
 Зовется жизнью: если-жъ тотъ, кто жилъ,
 Уснетъ навѣкъ,—покровъ предъ нимъ приподнять;
 А между тѣмъ, въ разнообразіи пѣжномъ,
 Проходятъ смѣны осени, зимы,
 Весны и лѣта; радугой обвиты,
 Спѣшать дожди, воздушно шепчутъ вѣтры,
 И стрѣлы метеоровъ голубыхъ
 Пронизываютъ ночь, и солнце свѣтитъ
 Всезрящимъ, вѣчно-творческимъ огнемъ,
 И льется влажный блескъ спокойствій лунныхъ;
 Вліянія зиждительныя всюду,
 Въ лѣсахъ, въ поляхъ, и даже въ глубинѣ
 Пустынныхъ горъ, лелѣющихъ растенья.

Но слушай! Есть пещера, гдѣ мой духъ
 Изнемогалъ отъ горести безумной,
 Дыша твоимъ мученьемъ,—и другіе,
 Дышавшіе тѣмъ воздухомъ со мной,
 Испытывали также бредъ безумья:
 Построивъ храмъ, воздвигли въ немъ оракулъ,
 И множество кочующихъ народовъ
 Къ войнѣ междоусобной подстрекнули;
 Теперь въ мѣстахъ, гдѣ рѣялъ духъ вражды,
 Вдыхаетъ дуновение фіалокъ,
 Сіянье безмятежное поитъ
 Прозрачный воздухъ алою чудесной;
 Живутъ лѣса, уклоны горъ; змѣится
 Зеленый виноградъ; плететь узоры
 Причудливый, замысловатый плющъ;
 Цвѣты,—въ бутонахъ,—въ пышности расцвѣта,—
 Съ увядшимъ благовоніемъ,—вдыхаютъ,
 Звѣздятся въ вѣтрѣ вспышками цвѣтными;
 Висятъ плоды округло-золотые
 Въ своихъ родныхъ зеленыхъ небесахъ,
 Среди листовъ съ ихъ тканью тонкихъ жилокъ;
 Среди стеблей янтарныхъ дышутъ чаши
 Пурпуровыхъ цвѣтовъ, блестя росой,
 Напиткомъ духовъ; съ шопотомъ о счастьи
 Кругомъ чуть вѣютъ крылья сновъ полдневныхъ,
 Блаженныхъ, потому что съ нами—ты.
 Иди въ свою завѣтную пещеру.
 Явись! Возстань!

(Духъ появляется въ образѣ крылатого ребенка)

Мой факельщикъ воздушный,
 Онъ въ древности свѣтильникъ погасилъ,
 Чтобъ въ тѣ глаза смотрѣть, откуда снова
 Досталъ огня сверкающей любви,
 Въ твои глаза, о дочь моя, въ которыхъ
 Дѣйствительно горитъ огонь лучистый.
 Бѣги впередъ, шалунъ, веди собрание

Все дальше, за Вакхическую Нису,
 Пристанище Менадь,—за выси Инда
 Съ подвластной свитой рѣкъ, топчи потоки
 Извилистыхъ ручьевъ, топчи озера
 Своими неустанными ногами,—
 Иди туда, туда, гдѣ мирный доль,
 Къ стремнинѣ зеленѣющей, гдѣ дремлетъ
 На глади неподвижнаго прудка,
 Среди кристальной влаги, образъ храма,
 Стоящаго въ прозрачной высотѣ,
 Съ отчетливою стройностью узоровъ
 Колоннъ и архитрава, и съ похжей
 На пальму капителью, съ цѣлымъ роемъ
 Праксителей формъ, созданий мысли,
 Чьи мраморныя кроткія улыбки
 Притихшій воздухъ вѣчно наполняютъ
 Безсмертіемъ немеркнушей любви.
 Тотъ храмъ теперь покинуть, но когда-то
 Твое носилъ онъ имя, Прометей;
 Тамъ юноши въ пылу соревнованья
 Сквозь мракъ священный въ честь твою несли
 Твою эмблему—свѣточъ; вмѣстѣ съ ними
 Другіе проносили тотъ же факелъ,
 Свѣтильникъ упованія, сквозъ жизнь
 Идя въ могилу,—какъ и ты побѣдно
 Пронесъ его сквозъ тьму тысячелѣтій
 Къ далекой цѣли Времени. Прощай.
 Иди въ тотъ храмъ, иди къ своей пещерѣ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лѣсъ.—На заднемъ фонѣ пещера.—Прометей, Азія, Пантея, Иона, и Духъ
 Земли.

ИОНА.

Сестра! Но это что-то неземное!
 Какъ онъ легко надъ листьями скользнуть!
 Надъ головой его горитъ сіянье,

Какая-то зеленая звѣзда;
 Сплетаются съ воздушными кудрями,
 Какъ пряди изумрудныя, лучи;
 Онъ движется, и вслѣдъ за нимъ на землю
 Ложатся пятна снѣга. Кто-бъ онъ былъ?

ПАНТЕЯ.

Прозрачно-нѣжный духъ, ведущій землю
 Сквозь небо. Съ многочисленныхъ созвѣздій
 Издалека онъ виденъ всѣмъ, и нѣтъ
 Другой планеты болѣе прекрасной;
 Порою онъ плыветъ вдоль нѣны моря,
 Проносится на облакъ туманномъ,
 Блажуетъ по полямъ и городамъ,
 Покуда люди спятъ; онъ бродитъ всюду,
 На высяхъ горъ, по водамъ рѣкъ широкихъ,
 Средь зелени пустынь, людьми забытыхъ—
 Всему дивясь, что видитъ предъ собой.
 Когда еще не царствовалъ Юпитеръ,
 Онъ Азію любилъ, и каждый часъ,
 Когда освобождался отъ скипаний,
 Онъ съ нею былъ, чтобъ пить въ ея глазахъ
 Лучистое и влажное мерцанье.
 Ребячески онъ съ ней болталъ о томъ,
 Чтò видѣлъ, чтò узналъ, а зналъ онъ много,
 Хотя о всемъ по-дѣтски говорилъ.
 И такъ какъ онъ не зналъ,—и я не знаю,—
 Откуда онъ,—всегда онъ звалъ ее:
 «О мать моя!»

ДУХЪ ЗЕМЛИ (*блжуетъ къ Азіи*).

О мать моя родная!

Могу ли я бесѣдовать съ тобою?
 Прильнуть глазами къ ласковымъ рукамъ,
 Когда отъ счастья взоры утомятся?
 И близъ тебя рѣзвиться въ долгій полдень,
 Когда въ безмолвномъ мірѣ нѣтъ работы?

АЗІЯ.

Люблю тебя, о милый, нѣжный мой,
 Теперь всегда тебя ласкать я буду;
 Скажи мнѣ, что ты видѣлъ: рѣчь твоя
 Была утѣхой, будетъ наслажденьемъ.

ДУХЪ ЗЕМЛИ.

О мать моя, я сдѣлался умнѣе,
 Хотя въ этотъ день ребенокъ быть не можетъ
 Такимъ, какъ ты—и умнымъ, и счастливымъ.
 Ты знаешь, змѣи, жабы, червяки,
 И хищныя животныя, и вѣтви,
 Тяжелыя отъ ягодъ смертоносныхъ,
 Всегда преградой были для меня,
 Когда скитался я въ зеленомъ мірѣ.
 Ты знаешь, что въ жилищахъ человѣка
 Меня пугали грубыя черты,
 Вражда холодныхъ взглядовъ, гнѣвность, гордость,
 Надменная походка, ложь улыбокъ,
 Невѣжество, влюбленное въ себя,
 Съ усмѣшкою тупой,—и столько масокъ,
 Которыми дурная мысль скрываетъ
 Прекрасное созданіе,—кого
 Мы, духи, называемъ человѣкомъ;
 И женщины,—противнѣе, чѣмъ все,
 Когда не такъ онѣ, какъ ты, свободны,
 Когда не такъ онѣ чистосердечны,—
 Такую боль мнѣ въ сердцѣ поселяли,
 Что мимо проходить я не рѣшался,
 Хотя я былъ незримъ, онѣ же спали;
 И вотъ, послѣдній разъ, мой путь лежалъ
 Сквозь городъ многолюдный, къ чащѣ лѣса,
 Къ холмамъ, вокругъ него сплетеннымъ цѣпью;
 Дремалъ у входа въ городъ часовой;
 Какъ вдругъ раздался возгласъ, крикъ призывный,—
 И башни въ лунномъ свѣтѣ задрожали:

То былъ призывъ могучій, нѣжный, долгій,
 Онъ кончиться какъ будто не хотѣлъ;
 Вскочивъ съ постелей, граждане собѣжались,
 Дивясь, они глядѣли въ Небеса,
 А музыка гремѣла и гремѣла;
 Я спрятался въ фонтанъ, въ тѣнистомъ скверѣ,
 Лежалъ, какъ отраженіе луны,
 Подъ зеленою листовъ, на зыбкой влагѣ,
 И вскорѣ всѣ людскія выраженья,
 Пугавшія меня, проплыли мимо
 По воздуху, блѣднѣющей толпой.
 Развѣялись, растаяли, исчезли;
 И тѣ, кого покинули они,
 Виднѣямы плѣнительными стали.
 Ниспала съ нихъ обманчивая внѣшность;
 Привѣтствуя другъ друга съ восхищеньемъ,
 Всѣ спать пошли; когда же свѣтъ зари
 Забрезжился,—не можешь ты представить,—
 Вдругъ змѣи, саламандры и лягушки,
 Немного измѣнивши видъ и цвѣтъ,
 Красивы стали; все преобразилось;
 Въ вещахъ дурное сгладилось; и вотъ,
 Взглянулъ я внизъ на озеро, и вижу—
 Къ водѣ склонился кустъ, переплетенный
 Съ вѣтвями белладонны; на вѣтвяхъ
 Усѣлись два лазурныхъ зимородка
 И быстрыми движеніями клюва
 Счищали гроздья свѣтлыхъ ягодъ амбры,
 Ихъ образы виднѣлись въ глади водъ.
 Какъ въ небѣ; видя всюду перемѣны
 Счастливыя, мы встрѣтились опять,
 И въ этой новой встрѣчѣ—верхъ блаженства.

АЗІЯ.

И больше мы не будемъ разлучаться,
 Пока твоя стыдливая сестра,

Ведущая непостоянный мѣсяцъ,—
Холодную луну,—не взглянетъ съ лаской
На болѣе горячее свѣтило,
И сердце у нея, какъ снѣгъ, растаетъ,
Чтобъ въ свѣтъ вѣшнихъ дней тебя любить.

ДУХЪ ЗЕМЛИ.

Не такъ ли, какъ ты любишь Прометея?

АЗІЯ.

Молчи, проказникъ. Что ты понимаешь?
Ты думаешь, взирая другъ на друга,
Вы можете самихъ себя умножить,
Огнями напоить подлунный воздухъ?

ДУХЪ ЗЕМЛИ.

Нѣтъ, мать моя, пока моя сестра
Свѣтильникъ свой на небѣ оправляетъ,
Идти впотѣмахъ мнѣ трудно.

АЗІЯ.

Тсс! Гляди!

(Духъ Часа входитъ)

ПРОМЕТЕЙ.

Мы чувствуемъ, что видѣлъ ты, и слышимъ,
Но все же говори.

ДУХЪ ЧАСА.

Какъ только звукъ,
Обнявшій громомъ землю съ небесами,
Умолкъ,—свершилась въ мірѣ перемѣна.
Свѣтъ солнца вездѣсущій, тонкій воздухъ
Таинственно вездѣ преобразились,
Какъ будто въ нихъ растаялъ духъ любви
И слилъ ихъ съ міромъ въ сладостномъ объятіи.
Острѣе стало зрѣніе мое,
Я могъ взглянуть въ святилища вселенной;
Отдавшись вихрю, внизъ поплылъ я быстро,

Лѣнвыми крылами развѣвая
 Прозрачный воздухъ; кони отыскали
 На солнцѣ мѣсто, гдѣ они родились,
 И тамъ отнынѣ будутъ жить, питаясь
 Цвѣтами изъ растущаго огня.
 Тамъ встану я съ своею колесницей,
 Похожей на луну, увижу въ храмѣ
 Плѣнительныя Фидіевы тѣни—
 Тебя, себя, и Азію съ Землей,
 И васъ, о нимфы нѣжныя,—глядящихъ
 На ту любовь, что въ нашихъ душахъ блещетъ;
 Тотъ храмъ воскреснетъ въ память переменъ,
 Вздываясь на двѣнадцати колоннахъ,
 Глядя открыто въ зеркало небесъ
 Нѣмымъ соборомъ, съ фресками-цвѣтами;
 И змѣи-амфисбены...

Но увы!

Увлечшись, ничего не говорю я
 О томъ, что вы хотѣли бы узнать.
 Какъ я сказалъ, я плылъ къ землѣ, и было
 До боли сладко двигаться и жить.
 Скитаясь по жилищамъ человѣка,
 Я былъ разочарованъ, не увидѣвъ
 Такихъ же полновластныхъ переменъ,
 Какія ощутилъ я въ мірѣ внѣшнемъ.
 Но это продолжалось только мигъ.
 Увидѣлъ я, что больше нѣтъ насилій,
 Тирановъ нѣтъ, и нѣтъ ихъ троновъ больше,
 Какъ духи, люди были межъ собой,
 Свободные; презрѣніе, и ужасъ,
 И ненависть, и самоуниженіе
 Во взорахъ человѣческихъ погасли,
 Гдѣ прежде въ страшный приговоръ сплетались,
 Какъ надписи на стѣнѣ у входа въ адъ:
 «Кто въ эту дверь вошелъ, оставь надежду!»
 Никто не трепеталъ, никто не хмурился

Очей угрюмыхъ; съ острымъ чувствомъ страха
 Никто не долженъ былъ смотрѣть другому
 Въ холодные глаза и быть игрушкой
 Въ рукахъ тирановъ, гонящихъ раба
 Безжалостно, покуда не падетъ онъ,
 Какъ загнанная лошадь; я не видѣлъ,
 Чтобъ кто-нибудь съ усмѣшкой спуталъ правду,
 Храня въ своей душѣ отраву лжи;
 Никто огня любви, огня надежды
 Въ своемъ остывшемъ сердцѣ не топталъ,
 Чтобы потомъ, съ изношенной душою,
 Среди людей влачиться, какъ вампиръ,
 Внося во все своей души заразу;
 Никто не говорилъ холоднымъ, общимъ,
 Лишеннымъ содержанья языкомъ,
 Твердящимъ *нѣтъ* на голосъ утвержденья,
 Звучащій въ сердцѣ; женщины глядѣли
 Открыто, кротко, съ нѣжной красотой,
 Какъ небо, всѣхъ ласкающее свѣтомъ,—
 Свободныя отъ всѣхъ обычныхъ золь,
 Изящныя блистательныя тѣни,
 Онѣ легко скользили по землѣ,
 Бесѣдуя о мудрости, что прежде
 Имъ даже и не снилась,—видя чувства,
 Которыхъ раньше такъ онѣ боялись,—
 Сливаясь съ тѣмъ, на что дерзнуть не смѣли,
 И землю обращая въ небеса;
 Исчезли ревность, зависть, вѣроломство,
 И ложный стыдъ, горчайшій изъ всего,
 Что портило восторгъ любви—забвенье.
 Суды и тюрьмы, все, что было въ нихъ,
 Все, что ихъ спертымъ воздухомъ дышало,
 Орудья пытокъ, цѣпи, и мечи,
 И скипетры, и троны, и тиары,
 Тома холодныхъ, жесткихъ размышленій,
 Какъ варварскія глыбы, громоздились,

Какъ тѣнь того, чего ужъ больше нѣтъ,—
 Чудовищные образы, что смотреть
 Съ безсмертныхъ обелисковъ, поднимаясь
 Надъ пышными гробницами, дворцами
 Тѣхъ, кто завоевалъ ихъ,—рядъ эмблемъ,
 Намекъ на то, что прежде было страхомъ,—
 Видѣнія, противныя—и богу,
 И сердцу человѣка; въ разныхъ формахъ
 Они служили дикимъ воплощеніемъ
 Юпитера,—мучителя міровъ,—
 Народности, окованныя страхомъ,
 Склонялись передъ ними, какъ рабы,
 Съ разбитымъ сердцемъ, съ горькими слезами,
 Съ мольбою, оскверненной грязью лести—
 Тому, къ кому они питали страхъ;
 Теперь во прахъ идола; распались;
 Разорванъ тотъ раскрашенный покровъ,
 Что въ дни былые жизнью назывался
 И былъ изображеніемъ небрежнымъ
 Людскихъ закоренѣлыхъ заблужденій;
 Упала маска гнусная; отнынѣ
 Повсюду будетъ вольнымъ человѣкъ,
 Братъ будетъ равенъ брату, всѣ преграды
 Исчезли межъ людьми; племенъ, народовъ,
 Сословій больше нѣтъ; въ одно всѣ слились,
 И каждый полновластенъ надъ собой;
 Настала мудрость, кротость, справедливость;
 Душа людская страсти не забудетъ,
 Но въ ней не будетъ мрака преступленья,
 И только смерть, измѣнчивость и случай
 Останутся послѣднею границей,
 Послѣднимъ слабымъ гнетомъ надъ движеніемъ
 Души людской, летящей въ небеса,—
 Туда, гдѣ высшій ликъ звѣзды блистаетъ
 Въ предѣлахъ напряженной пустоты.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена.—Часть лѣса вблизи пещеры Прометея.—Пантея и Гона спятъ; въ теченіи первой пѣсни онѣ постепенно пробуждаются.

ГОЛОСЪ НЕЗРИМЫХЪ ДУХОВЪ.

Звѣзды, блѣднѣя, ушли,
Свѣтъ ихъ потухъ;
Солнце вдали,
Ихъ быстрый пастухъ,
Въ выси голубой
Блескомъ своимъ
Гонитъ стада ихъ домой,—
Встаетъ въ глубинѣ разсвѣта,
Метеоры гаснутъ за нимъ
Въ волнахъ голубого свѣта,
И близкія звѣзды къ далекой звѣздѣ
Сплъсать, отдаваясь предутреннимъ играмъ,
Толпятся, какъ лани предъ тигромъ.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

длинный рядъ темныхъ формъ и тѣней смутно проходить съ пѣніемъ.

Идемъ мы къ забвенью,
Несемъ къ погребенью
Отца отошедшихъ годовъ;
Уносимъ мы въ вѣчность
Время безконечность,
Мы тѣни погибшихъ Часовъ!

Не зеленью тиса,
 Не сномъ кипариса,
 А мрачностью мертвыхъ цвѣтовъ,—
 Не свѣтлой росой,—
 Почтите слезою
 Царя отошедшихъ Часовъ!

Скорѣе, скорѣе!
 Какъ тѣни, блѣднѣя,
 Бѣгутъ предъ сіяніемъ дня,
 Небесной пустыней,
 Бездонной и синей,
 Развѣются въ брызгахъ огня,—

Такъ пѣной мы таемъ,
 Бѣжимъ, пропадаемъ
 Предъ чадами лучшаго дня;
 И вѣтры за нами
 Чуть плещутъ крылами,
 Чуть плещутъ, крылами звеня!

ІОНА.

Кто тамъ шестуется толпой?

ПАНТЕЯ.

То минувшіе Часы
 Мчатся длинною тропой
 Въ свѣтъ гаснущей росы.

ІОНА.

Гдѣ же всѣ они?

ПАНТЕЯ.

Ушли.

Вонъ ужъ тамъ, вдали, вдали,
 Обогнали молній свѣтъ,—
 Лишь сказали мы, ихъ нѣтъ.

ІОНА.

Ушли, но куда? Къ небесамъ? Или къ морю огромному?

ПАНТЕЯ.

Ушли навсегда къ невозвратному, къ мертвому, къ темному.

ГОЛОСЪ НЕЗРИМЫХЪ ДУХОВЪ.

Сбираются тучи и таютъ,
И звѣздныя росы блистаютъ,
Рѣдѣтъ туманъ,
Высоты безмолвны,
Всталъ Океанъ,
Пляшутъ шумящія волны;
Въ синей водѣ
Рождается грохотъ,
Паническій хохотъ.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

Безсмертныя сосны-громады
Поютъ вѣковыя баллады;
Ихъ голосъ могучъ,
Звенять ихъ вершины;
Плещется ключъ,
Музыкѣ внемлютъ долины,
Радость вездѣ,
Въ восторгѣ истомы
Рождаются громы.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

ІОНА.

Кто они?

ПАНТЕЯ.

Гдѣ они?

ПОЛУХОРЪ ЧАСОВЪ.

Заклятія духовъ Земли и Лазури
Порвали узорное кружево сна;
Мы спали глубоко въ дыханіи бури.

ГОЛОСЪ.

Глубоко?

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Глубоко: гдѣ спитъ глубина.

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Надъ нами во мракѣ склонялись видѣнья
 Бѣжали столѣтья, враждою полны,
 И мы открывали глаза на мгновенье,
 Чтобъ встрѣтиться съ правдой—

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Страшнѣе, чѣмъ сны.

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Любовь позвала насъ, и мы задрожали,
 Внимали мы лютнѣ Надежды во снѣ,
 И вѣянье Власти услышавъ, бѣжали—

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Какъ утромъ волна убѣгаетъ къ волнѣ.

ХОРЪ.

Носитесь, кружитесь по склонамъ зефира,
 Пронзайте напѣвомъ нѣмой небосводъ,
 Чтобъ день торопливый не скрылся изъ міра
 Въ пещерѣ полночной, за дымкою водъ.
 Когда-то Часы безпощадной толпою,
 Голодные, гнали испуганный день;
 Теперь онъ не будетъ долиной ночью
 Бѣжать, какъ бѣжить полумертвый олень.
 Сплетемъ же, сплетемъ полнотою пѣвучей
 И пѣсни и пляски въ живое звено,
 Чтобъ духи блаженства, какъ радуга съ тучей,
 Съ Часами сливались.

ГОЛОСЪ.

Сливались въ одно.

ПАНТЕА.

Толпятся Духи разума людского,
Закутаны, какъ въ свѣтлую одежду,
Въ гармонію напѣвовъ неземныхъ!

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Въ восторгѣ своемъ
Мы пляшемъ, поемъ,
И дикіе вихри свистятъ;
Такъ съ птичьей толпой
Надъ бездной морской
Летучія рыбы летятъ.

ХОРЪ ЧАСОВЪ.

Откуда вы мчитесь? Безуменъ вашъ взглядъ!
На вашихъ сандаліяхъ искры горятъ,
Стремительны крылья, какъ мысли полетъ,
Во взорахъ любовь никогда не умереть!

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Изъ людского ума,
Гдѣ сгущалася тьма,
Гдѣ была слѣпота безъ просвѣта;
Тамъ растаялъ туманъ,
Тамъ теперь океанъ,
Небеса безграничнаго свѣта.

Изъ глубокихъ пучинъ,
Гдѣ лишь свѣтъ—властелинъ,
Гдѣ дворцы и пещеры—хрустальны,
Гдѣ съ воздушныхъ высотъ
Вьется Думъ хороводъ,
Гдѣ Часы навсегда безпечальны.

Изъ нѣмыхъ уголковъ,
Гдѣ въ прозрачный альковъ
Никогда не заглянуть измѣны;

Изъ лазурной тиши,
Гдѣ улыбки Души
Зачаруютъ, какъ пѣсня сирены.

Гдѣ Поэзіи свѣтъ,
Гдѣ Скульптуры привѣтъ,
Гдѣ Наука, вздохнувъ отъ усилъ,
Ключевою водой
И росой молодой
Освѣжаетъ Дедаловы крылья.
За годами года
Намъ грозила сѣда
И съ тоскою мы ждали блаженства,
Но въ травѣ острововъ
Было мало цвѣтовъ,
Полумертвыхъ цвѣтовъ совершенства.

А теперь нашъ полетъ
Человѣческій родъ
Орошаетъ бальзамомъ участъя
И любовь изъ всего
Создаетъ торжество,
Создаетъ Элизійское счастье.

ХОРЪ ДУХОВЪ И ЧАСОВЪ.

Сплетемте-жъ узоры мелодій пѣвучихъ;
Съ небесныхъ глубинъ, отъ предѣловъ земли,
Придите, о Духи восторговъ могучихъ,
Чтобъ пѣсни и пляски устать не могли;
Какъ дождь между молній проворныхъ и жгучихъ
Мы будемъ, блистать въ золотистой пыли,
Мы будемъ какъ звуки поющего грома,
Какъ волны, какъ тысячи брызгъ водоема.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Мы закрытую дверь
Ототкнули теперь,

Мы свободны, свободны, какъ птицы;
 По высотамъ летимъ,
 За звѣздою слѣдимъ,
 Догоняемъ сверканье зарницы.

Мы уходимъ за грань;
 Многозвѣздную ткань
 Разрываемъ въ бездонной лазури;
 Смерть, и Хаосъ, и Ночь
 Устремляются прочь,
 Какъ туманъ отъ грохочущей бури.

Нашъ могучій полетъ
 Всѣмъ Дыханье даетъ,
 И Любовь улыбается Нѣгѣ;
 Звѣздъ играющій рой,
 Свѣтъ, и Воздухъ съ Землей
 Сочетаются въ огненномъ бѣгѣ.

Въ пустотѣ мы поемъ
 И чертогъ создаемъ,
 Будетъ Мудрость царить въ немъ, свѣтлѣя:
 Возрожденья хотимъ,
 Новый мѣръ создадимъ,
 Назовемъ его сномъ Прометея.

ХОРЪ ЧАСОВЪ.

Разсыпьте, какъ жемчугъ, гармонию словъ,
 Одни оставайтесь, умчитесь другіе;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Насъ манить за небо, за ткань облаковъ;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Насъ держать, къ намъ ластятся чары земныя;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Мы быстры, мы дики, свободны во всемъ,

Мы новую землю мечтой создаемъ,
У неба не просимъ отвѣта;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Мы шествуемъ тихимъ и яснымъ путемъ,
И Ночь обгоняемъ, и День мы ведемъ,
Мы—Геніи чистаго свѣта;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Мы вьмемъ, поемъ,—и являются сномъ
Деревья, и звѣри, и тучи кругомъ,
И въ хаосъ дышутъ видѣнья;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Мы вьмемъ вокругъ океановъ земли,
И горы, какъ тѣни, подъ нами легли,—
Созвучія нашего пѣнья.

ХОРЪ ЧАСОВЪ И ДУХОВЪ.

Разсыпьте, какъ жемчугъ, гармонію словъ,
Одни оставайтесь, умчитесь другіе;
Для нѣжной любви мы сплетаемъ покровъ,
Мы всюду несемъ откровенія сновъ,
Несемъ облака дождевыя.

ПАНТЕЯ.

Они ушли!

ІОНА.

Но развѣ ты не слышишь,
Какъ дышетъ сладость нѣжности минувшей?

ПАНТЕЯ.

О, слышу! Такъ зеленые холмы
Смѣются миллиономъ свѣтлыхъ капель,
Когда гроза, промчавшись, отзвучить.

ІОНА.

И вновь, пока бесѣда наша длится,
Кругомъ встаютъ иныя сочетанья
Пѣвучихъ звуковъ.

ПАНТЕЯ.

То напѣвъ чудесный,
 То музыка грохочущаго міра,
 Летящаго по воздуху нѣмому
 И въ вѣтрѣ зажигающаго звуки
 Эоловыхъ мелодій.

ІОНА.

Слушай, слушай!

Еще звучать стихающіе звуки,
 Пронзительно-серебристые напѣвы,
 Чаруютъ душу, съ чувствами живутъ
 Однимъ созвучьемъ братскимъ, точно звѣзды,
 Кто въ воздухъ зимы кристальной свѣтятъ,
 Глядя на ликъ свой въ зеркалѣ морей,

ПАНТЕЯ.

Но видишь, тамъ, среди вѣтвей нависшихъ,
 Раздвинулись прогалины въ лѣсу,
 Средь мховъ густыхъ, съ фіалками сплетенныхъ,
 Одинъ ручей раскинулъ два теченья,
 И два ключа спѣшатъ, какъ двѣ сестры,
 Чтобъ встрѣтиться съ улыбкой послѣ вздоховъ.
 Тамъ два видѣнья въ блескѣ непонятномъ
 Плывутъ въ волнахъ магическихъ мелодій,
 Что все звончѣй, настойчивѣй звучать
 Во мглѣ земли, въ безвѣтрій лазури.

ІОНА.

Я вижу, колесница быстро мчится,
 Какъ та ладья тончайшая, въ которой
 По тающимъ волнамъ глубокой ночи
 Мать мѣсяцевъ уносится на Западъ,
 Когда встаетъ отъ междулунныхъ сновъ,
 Обвѣянныхъ покровомъ нѣжной дымки.
 И темные холмы, лѣса, долины
 Отчетливо изъ этой мглы растутъ,

Какъ тѣни въ свѣтломъ зеркалѣ у мага;
 Ея колеса—тучи золотыя,
 Подобныя громадамъ разноцвѣтнымъ,
 Что геніи громовъ молніеносныхъ
 Надъ моремъ озареннымъ громоздятъ,
 Въ тотъ часъ, какъ солнце ринется за волны;
 Какъ будто вѣтромъ внутреннимъ гонимы,
 Они растутъ, и катятся, и блещутъ;
 Внутри сидитъ крылатое дитя,
 Его лицо блистаетъ бѣлизною
 Нетронутаго снѣга; перья крыльевъ—
 Какъ пухъ мороза въ солнечныхъ лучахъ;
 Сквозь складки перламутровой одежды
 Воздушно-бѣлой, дышетъ красота
 Лучисто-бѣлыхъ членовъ; кудри—бѣлы,
 Какъ бѣлый свѣтъ, разсыпанный по струнамъ,
 Но взоръ двухъ глазъ—два неба влажной тьмы,
 Какъ будто Божество туда излилось,
 Какъ буря изливается изъ тучъ,
 И стрѣльчатыхъ рѣсницъ густыя тѣни
 Холодный свѣтлый воздухъ умягчаютъ;
 Въ рукѣ того крылатаго дитяти—
 Дрожащій лунный лучъ; съ его конца,
 Какъ кормчій, сходить правящая сила,
 Ведя по тучамъ эту колесницу,
 Межъ тѣмъ какъ тучи мчатся надъ травой,
 Надъ царствомъ воли, цвѣтовъ, и будятъ звуки
 Нѣжныхъ, чѣмъ звонъ поющего дождя.

ПАНТЕА.

А изъ другой прогалины стремится,
 Съ гармоніей кружащихся циклоновъ,
 Иная сфера,—сотни тысячъ сферъ
 Какъ будто въ ней вращаются,—кристаллы
 Могли бы съ ней по плотности сравниться,
 Но сквозь нее, какъ сквозь просторъ пустой,

Плыветъ сіянье, музыка: я вижу,
 Какъ тысячи круговъ, одинъ въ другомъ,
 Одинъ легко летящій изъ другого,
 Силетаются, пурпурно-золотые,
 Лазурные, играющіе свѣтомъ,
 То бѣлымъ, то зеленымъ; сфера въ сферѣ;
 И каждое пространство между ними
 Населено неожиданными тѣнями,
 Какія сняты духамъ въ глубинѣ
 Безжизненныхъ просторовъ, чуждыхъ свѣта;
 Но каждая изъ тѣхъ тѣней прозрачна,
 И всѣ онѣ вращаются, кружатся,
 Въ богатствѣ направленій разнородныхъ,
 На тысячѣ незримыхъ тонкихъ осей,
 И съ силой быстроты, въ себѣ самой
 Рождающей и гибель, и начало,
 Настоячиво, торжественно стремятся,
 И смѣшанностью звуковъ зажигаютъ
 Разумность словъ, безуміе напѣвовъ;
 Вращеніемъ могучимъ сложный шаръ,
 Какъ жерновомъ, захватываетъ воды
 Блестящаго ручья, дробитъ ихъ мелко,
 Изъ нихъ лазурный дѣлаетъ туманъ—
 На свѣтъ похожей тонкости стихійной;
 И дикій ароматъ лѣсныхъ цвѣтовъ,
 Богатство пѣсенъ воздуха, деревьевъ,
 Живыхъ стеблей, листовъ переплетенныхъ,
 Съ ихъ свѣтомъ переливно-изумруднымъ,
 Вкругъ этой напряженной быстроты,
 Въ себѣ самой преграду находящей,
 Сливаются легко въ одну воздушность,
 Гдѣ тонуть чувства. Въ самомъ центрѣ шара,
 Склонясь на алебастровыя руки,
 Свернувши крылья, кудри разметавъ,
 Забылся Духъ Земли въ дремотѣ сладкой,
 Усталое и нѣжное дитя,

Едва лепечуть маленькія губы,
 Въ невѣрномъ свѣтѣ собственныхъ улыбокъ.
 И чудится, что шепчетъ онъ о томъ.
 Чтò любить въ сновидѣніи.

ІОНА.

Онъ только

Гармоніи всей сферы подражаетъ.

ПАНТЕЯ.

Съ его чела звѣзда струить лучи,
 Подобные мечамъ огнисто-синимъ
 И копьямъ золотымъ, переплетеннымъ
 Съ листьями кроткой мирты—символь мира
 Земли и неба, слитыхъ воедино—
 Огромные лучи, какъ будто спицы
 Колесъ незримыхъ,—кружатся они
 Съ круженьемъ сферы; молніи трепещуть,
 Летятъ, бѣгутъ, пространство заполняютъ,
 Здѣсь косвенны они, а тамъ отвѣсны,
 Огнемъ пронзаютъ сумрачную почву,
 И грудь земли разоблачаетъ тайны;
 Видѣются безъ счета рудники,
 Въ нихъ слитки золотые, брилліанты,
 Игра камней невиданныхъ, безцѣнныхъ,
 Пещеры на столбахъ изъ хрусталя,
 Съ отдѣлкой изъ серебряныхъ растений,
 Бездонные колодцы изъ огня;
 Ключи прозрачной влажности, кормилицы
 Своихъ дѣтей—морей необозримыхъ,
 Силетающихъ свои пары въ узоры—
 Царямъ земли, вершинамъ горъ, покрытымъ
 Воздушностью нетронутыхъ снѣговъ,
 Одеждою изъ царскихъ горностаевъ;
 Лучи горятъ, и въ блескѣ ихъ встаютъ
 Умершихъ цикловъ скорбныя руины;
 Вонъ якоря, обломки кораблей;

Вонъ доски, превратившіяся въ мраморъ;
 Колчаны, шлемы, копья; рядъ щитовъ,
 Съ верхушками—какъ голова Горгоны;
 Украшенные рѣзущей косою,
 Военныя повозки; цѣлый міръ
 Знаменъ, трофеевъ, битвенныхъ животныхъ,
 Вкругъ чьей толпы смѣялась смерть; эмблемы
 Погибшія умершихъ разрушеній;
 Развалина въ развалинѣ! Обломки
 Обширныхъ населенныхъ городовъ,
 Чьи жители, засыпанные прахомъ,
 Когда-то были, двигались и жили
 Толпой нечеловѣческой, хоть смертной;
 Лежатъ изображенія страшныхъ дѣлъ,
 Раскинуты ихъ грубые скелеты,
 Ихъ статуи, ихъ канища, дома:
 Объятыя сѣдымъ уничтоженьемъ,
 Чудовищныя формы, другъ на другѣ,
 Другъ другомъ сжаты, стиснуты, разбиты,
 Въ угрюмой, безпощадной глубинѣ;
 Другіе сверху видятся скелеты
 Крылатыхъ и невѣдомыхъ существъ,
 Скелеты рыбъ, что были островами
 Подвижной чешуи,—цѣней когтистыхъ,
 Гигантскихъ змѣй,—одни изъ нихъ свились
 Вкругъ черныхъ скалъ,—другіе, въ смертныхъ
 муглахъ
 Своею извивающеюся мощью
 Испепеливъ желѣзные утесы,
 Застыли въ горахъ праха; въ высотѣ
 Виднѣется зубчатый аллигаторъ,
 И землю потрясавшій бегемотъ;
 Среди звѣрей они царями были
 И, точно черви въ лѣтній день на трунѣ,
 Плзали въ вязкомъ илѣ, размножались
 На берегахъ, средь исполинскихъ травъ,

До той поры, когда потошь, сорвавшись
 Со свода голубого, задушилъ ихъ
 Одеждою текучей, между тѣмъ какъ,
 Разинувъ пасть, они пугали воздухъ
 Пронзительнымъ, протяжно-дикимъ воплемъ,
 Иль, можетъ быть, до той поры, когда
 Промчался Богъ какой-нибудь по небу,
 На огненной кометѣ пролетѣлъ,
 И крикнулъ: „Да не будетъ ихъ!“—И вотъ ужь,
 Какъ этихъ словъ, ихъ въ мірѣ больше нѣтъ.

ЗЕМЛЯ.

Восторгъ, безумье, счастье, торжество!
 Безбреженъ блескъ блаженства моего!
 Я вся горю, дрожу отъ изступленья!
 Во мнѣ для муки мѣста нѣтъ,
 Меня, какъ тучу, обнялъ свѣтъ,
 Уносить бури дуновенье.

ЛУНА.

О счастливая сфера земли,
 Братъ, спокойно бѣгущій вдали,
 Отъ тебя устремляется Духъ изъ огня,
 Онъ пѣвучъ, онъ могучъ, онъ подобно ручью
 Проникаетъ въ замерзшую сферу мою,
 Онъ проходитъ, любя, и дыша, и звеня,
 Сквозь меня, сквозь меня!

ЗЕМЛЯ.

Мои пещеры, доли, склоны горъ,
 Мои ключи, бѣгущіе въ просторъ,
 Грохочутъ побѣдительною смѣхою;
 Вулканы вторятъ имъ, горя,
 Пустыни, тучи и моря
 Имъ шлютъ хохочущее эхо.

Они кричатъ: Проклятіе всегда
 Пугало насъ; намъ грезилась бѣда,

Зловѣщая угроза разрушенія:
 Земля дрожала, и надъ ней
 Изъ тучъ свергался дождь камней,
 Живому несъ уничтоженье.

Чума плыла вездѣ, во всѣ концы;
 Соборы, обелиски, и дворцы,
 И сонмы горъ, окутанныхъ лавиной,
 Листы, прильнувшіе къ вѣтвямъ,
 Лѣса подобные морямъ,
 Казались мертвенной трясиной.

О, счастье! Уничтоженіемъ зло
 Исчерпано; растаяло; прошло;
 Все выпито, какъ стадомъ ключъ въ пустынь;
 И небеса уже не тѣ,
 И въ безпредѣльной пустотѣ
 Любовь—любовь горитъ отнынѣ.

ЛУНА.

Снѣга на моихъ помертвѣлыхъ горахъ
 Превратились въ ручьи говорящіе,
 Мои океаны сверкаютъ въ лучахъ,
 Гремятъ, какъ напѣвы звенящіе.
 Духъ загорѣлся въ груди у меня,
 Что-то рождается, нѣжно звеня,
 Духъ твой, согрѣтый въ кипучемъ огнѣ,
 Дышетъ на мнѣ,—

На мнѣ!

Въ равнинахъ моихъ вырастаютъ цвѣты,
 И зеленые стебли качаются,
 Въ лучахъ изумрудныхъ твоей красоты
 Влюбленные тѣни встрѣчаются.
 Музыкой дышетъ мой воздухъ живой,
 Море колышетъ просторъ голубой,
 Тучи, растаявъ, сгущаются вновь,

Это любовь,—

Любовь!

ЗЕМЛЯ.

Всѣ камни, весь гранитъ проникнуть ей,
Узлы глубокихъ спутанныхъ корней,
Листы, что чуть трепещутъ на вершинахъ;
Она проносится въ вѣтрахъ,
Живетъ въ забытыхъ мертвецахъ,
Въ никѣмъ незнаемыхъ долинахъ.

И какъ гроза изъ облачной тюрьмы
Гремитъ, встаетъ, взрывается изъ тьмы,—
Болото мысли, спавшее отъ вѣка,
Огнемъ любви возмущено,
И страхъ съ тоскою за одно
Бѣгутъ, бѣгутъ отъ человѣка.

Многостороннимъ зеркаломъ онъ былъ
И столько отраженій извратилъ;
Теперь любовь не смята въ немъ обманомъ,
Теперь душа съ душой людской.
Какъ небо съ бездною морской
Горятъ единымъ океаномъ.

Ребенокъ зачумленный такъ идетъ
За звѣремъ заболѣвшимъ, все впередъ,
Къ расщелинѣ, гдѣ ключъ цѣлбный блещетъ,
И возвращается домой,
Здоровый, розовый, живой,
И мать рыдаетъ и трепещетъ.

Теперь душа людей слилась въ одно—
Любови и мысли мощное звено,
И властвуетъ надъ сонмомъ силъ природныхъ,
Какъ солнце въ безднѣ голубой

Царемъ блистаетъ надъ толпой
Планетъ и всѣхъ свѣтилъ свободныхъ.

Изъ многихъ душъ единый духъ возникъ,
Въ себѣ самомъ всему нашель родникъ,
Въ немъ все течеть, сливаясь на просторѣ,
Какъ всѣ потоки, всѣ ручьи
Несутъ теченія свои
Въ неисчерпаемое море.

Обычныхъ дѣлъ знакомая семья
Живетъ въ зеленой роцѣ бытія,
И новыя въ нихъ краски заблистали;
Никто не думалъ никогда,
Чтобъ скорбь и тягости труда
Когда-нибудь такъ легки стали.

Людская воля, страсти, мракъ заботъ
Слились, преображенные, и вотъ
Корабль крылатый мчится океаномъ,
Любовь на немъ, какъ рулевой,
Волна звучить, растетъ прибой
И манить къ новымъ дикимъ странамъ.

Все въ мірѣ признаетъ людскую власть,
На мраморѣ запечатлѣлась страсть,
И въ краскахъ спятъ людскихъ умовъ мечтанья,
Изъ свѣтлыхъ нитей—для дѣтей—
Сплетаютъ руки матерей
Живыя ткани одѣянья.

Людской языкъ—Орфическій напѣвъ,
И мысли внемлютъ звукамъ, прismsирѣвъ,
Ростутъ по зову стройныхъ заклинаній,
И громъ изъ дальнихъ облаковъ

Гремитъ въ отвѣтъ на звучный зовъ
И ждетъ послушно приказаній.

И взоромъ человѣка сочтены
Всѣ звѣзды многозвѣздной глубины,
Они идутъ покорными стадами;
И бездна къ небу говоритъ:
«И твой, и твой покровъ раскрыть!
Людская мысль царить надъ нами!»

ЛУНА.

Наконецъ отъ меня отошла
Бѣлой смерти упорная мгла,—
Мой могильный покровъ
Мертвыхъ сновъ и снѣговъ;
И въ зеленой пустынѣ моей молодой,
Обнимаясь, идетъ за счастливой четой
Молодая чета;
И хоть въ дѣтяхъ твоихъ дышетъ высшая власть,
Но въ сердцахъ у моихъ—та же нѣга и страсть,
И одна красота.

ЗЕМЛЯ.

Какъ теплое дыханіе зари,
Обнявъ росу, живить ея кристалы,
И золотомъ пронзаеть янтари,
И ласки дня властительны и алы,
И мчится ввысь крылатая роса,
Скитається, воздушна и лучиста,
До вечера не бросить небеса,
Весь день висить руномъ изъ аметиста,—

ЛУНА.

Такъ и ты лежишь, объята
Блескомъ радостей безпечныхъ—
Своего же аромата
И своихъ улыбокъ вѣчныхъ.
Сколько есть свѣтилъ небесныхъ,

Всѣ тебя струять сіянье,
 Изъ лучей плетутъ чудесныхъ
 Золотое одѣянье.
 И богатствомъ свѣтлой сферы
 Ты струишь потокъ огня,
 Ты лучи свои безъ мѣры
 Проливаешь на меня.

ЗЕМЛЯ.

Вращаюсь я подъ пирамидой ночи,
 Она горитъ въ лазури гордымъ сномъ,
 Глядитъ въ мои восторженные очи,
 Чтобъ я могла унять торжествомъ;
 Такъ юноша, въ любовныхъ снахъ вздыхая,
 Лежитъ подъ тѣнью прелести своей
 И нѣжится, и слышитъ пѣсни Рая,
 Подъ грѣющей улыбкою лучей.

ЛУНА.

Когда на влюбленныхъ дрожащихъ устахъ
 Въ затменіи сладкомъ съ душою сойдется душа,
 Темнѣетъ огонь въ лучезарныхъ глазахъ,
 И гордое сердце дрожить, не дыша;
 Когда на меня упадетъ отъ тебя
 Широкая тѣнь, я твоей красотой смущена,
 Молчу и дрожу, замираю, любя!
 Тобою полна! О, до боли полна!

Сфера жизни, ты блистаешь
 Самой свѣтлой красотой,
 Ты вокругъ солнца пролетаешь
 Изумрудною звѣздой;
 Мірѣ восторговъ повсемѣстныхъ
 И непознанныхъ чудесъ,
 Межъ свѣтильниковъ небесныхъ
 Ты избранница небесъ;
 Притягиваешь лучезарный,

Побѣдительный твой видъ,
 Какъ влечетъ Эдемъ полярный
 И любимыхъ глазъ магнитъ;
 Подъ тобою я кристальна,
 Я невѣстой создана,
 Отъ блаженныхъ сновъ печальна,
 До безумья влюблена;
 Ненасытно язираю
 На тебя со всѣхъ сторонъ,
 Какъ Вакханка умираю,
 Мой восторгъ завороженъ;
 Такъ въ исполненныхъ прохлады,
 Дивныхъ Кадмовыхъ лѣсахъ
 Собиралися Менады
 И кружились въ сладкихъ снахъ.
 О, куда бы ты ни мчалась,
 Я должна слѣпить вослѣдъ,
 Лишь бы ты мнѣ улыбалась,
 Лишь бы твой увидѣть свѣтъ;
 Въ непредѣльности пространства
 Я пріютъ себѣ нашла,
 Отъ тебя свое убранство,
 Красоту свою взяла,
 Отъ тебя мой блескъ исходить,
 Я слилась съ душой твоей,—
 Какъ влюбленная походить
 На того, кто дорогъ ей,—
 Какъ, въ окраскѣ измѣняясь,
 Вѣчно слить хамелеонъ
 Съ тѣмъ, гдѣ дышетъ онъ, скрываясь,—
 Съ тѣмъ, на что взираетъ онъ,—
 Какъ фіалка голубѣть,
 Созерцая даль небесъ,—
 Какъ туманъ рѣчной темнѣть,
 Если смокъ вечерній лѣсъ,
 Если солнце отблеститъ

И на склонахъ горъ темно.

ЗЕМЛЯ.

И угасшій день рыдаетъ,

Отчего такъ быть должно.

Луна! Луна! Твой голосъ нѣгой дышетъ,
Моя душа его съ отрадой слышитъ,
И въ тотъ же мигъ волна ладью колышетъ

Средь острововъ, навѣкъ спокойныхъ.

Луна! Луна! Съ мелодіей кристальной
Пришелъ покой къ моей пещерѣ дальней,
Бальзамъ отрады сладостно-печальной
Для вспышекъ тигровыхъ и знойныхъ.

ПАНТЕЯ.

Мнѣ чудится, я только-что купалась
Межъ темныхъ скалъ, среди лазурной влаги,
Игравшей переливами сіянья,
Въ потокѣ звуковъ.

ІОНА.

Милая сестра,

Мнѣ больно,—звуки прочь отъ насъ умчались,
И правда, можно было бы подумать,
Что вышла ты изъ тѣхъ нѣвучихъ волнъ:
Твои слова струятся нѣжной, ясной
Росой, какъ капли съ влажныхъ членовъ нимфы,
Когда она выходитъ изъ воды.

ПАНТЕЯ.

Молчи, молчи! Властительная Сила,
Какъ мракъ, встаетъ изъ самыхъ нѣдръ земли,
И съ неба ночь густымъ дождемъ струится,
Нахлынуло изъ воздуха затменье,
И свѣтлыя видѣнія, въ чьемъ лонѣ
Бродили съ пѣньемъ радостные духи,
Горятъ подобно блѣднымъ метеорамъ
Въ дождливую погоду.

ІОНА.

Чувство словъ

Дрожить въ моихъ ушахъ.

ПАНТЕЯ.

То звукъ всемірный!

Какъ бы слова, что говорятъ: Внемли.

ДЕМОГОРГОНЪ.

Земля, спокойно-свѣтлая держава,
Тѣней и звуковъ стройная краса,
Блаженная, божественная слава,
Любовь, чѣмъ свѣтомъ полны небеса!

ЗЕМЛЯ.

Я слышу твой призывъ: я меркну, какъ роса!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Луна, чей взглядъ взираетъ съ удивленьемъ
На землю въ часъ ночной, когда она
Исполнена спокойнымъ восхищеньемъ,
Увидя, какъ свѣтло горитъ Луна!

ЛУНА.

Я слышу: я, какъ листъ дрожащій, смущена!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Цари свѣтилъ, Воздушные Престолы,
Союзъ Боговъ и Демоновъ, предъ кѣмъ
Раскинуты безвѣтренные долы,
Пустынныхъ звѣздъ заоблачный Эдемъ!

ГОЛОСЪ СЪ ВЫСОТЫ.

Мы слышимъ твой призывъ: равно мы свѣтимъ всѣмъ!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Герои отошедшихъ лѣтъ, вѣмме,
Должны-ль вы были въ смерти утонуть,
Какъ часть вселенной, или какъ живые—

ГОЛОСЪ СНИЗУ.

Мѣняемся и мы, уходимъ въ новый путь!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вы, Геніи стихійные, чьи хоры,
Умы людей звѣздою замѣнивъ,
Уносятся въ небесные соборы,
На днѣ морей питають волнъ порывъ!

СМУТНЫЙ ГОЛОСЪ.

Мы слышимъ: пробудилъ Забвеніе твой призывъ!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вы, Духи, чьи дома—живое тѣло!
Вы, звѣри, птицы, рыбы, рой цвѣтовъ,
Туманы, тучи дальняго предѣла,
Стада падучихъ звѣздъ, услышите зовъ!

ГОЛОСЪ.

Твой кличъ для насъ звучить, какъ долгій шумъ лѣсовъ!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Ты, Человѣкъ, мучитель и страдалецъ,
Отъ древнихъ дней обломокъ; глубока
Была твоя печаль; ты былъ скиталецъ,
Сквозь мракъ ночной тебя вела тоска.

ВСѢ.

Пророчествуй: тебѣ внимають всѣ вѣка!

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вотъ день, избранникъ времени счастливый!
Его заклатьемъ вызвалъ Сынъ Земли,
тѣмъ люди видѣть счастье могли;
Любовь съ престола власти терпѣливой,
Побѣдоносная, сошла
И собрала свои усилія.
Изъ крайней пытки создала
Благословеніе изобилія,
Простерла надо всѣмъ врачующія крылья

Терпѣнье, Мудрость, Нѣжность, Доброта—
 Печать надъ тѣмъ, въ чемъ скрыто Разрушенье;
 И если Вѣчность, мать Уничтоженья,
 Растворить дверь, гдѣ дремлетъ темнота,

Освободить змѣю измѣны

И кинетъ въ міръ чуму, какъ бичъ,

Желайте лучшей перемѣны,

Пошлите въ воздухъ звучный кличъ;

Вотъ чары, чтобъ опять гармоніи достичь:—

Не вѣрить въ торжество несовершенства;

Прощать обиды, черныя, какъ ночь;

Упорствомъ невозможность превозмочь;

Терпѣть, любить; и такъ желать блаженства,

Что Солнце вспыхнетъ сквозь туманъ

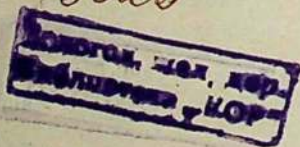
И обезсилѣетъ отравы,—

Надъ этимъ образъ твой, Титанъ,

Лишь въ этомъ Жизнь, Свобода, Слава,

Побѣда Красоты, лучистая Держава!

9920

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Новое трехтомное переработанное изданіе.

Вышелъ **ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** *Содержаніе:*

1. Лирика: 186 стихотвореній.
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ «Царицѣ Мабъ».
4. Демонъ міра. Поэма.

5. Аласторъ. Поэма.
Геліогравиру Джардена, изображающая Шелли.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ **ТОМЪ ВТОРОЙ.** *Содержаніе:*

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитла). Поэма.
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евангелистскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.

5. Юліанъ и Маддала. Вещдъ.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Печатается **ТОМЪ ТРЕТІЙ.** *Содержаніе:*

1. Маскарадъ анархіи. Поэма.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.
3. Волшебница Атласа. Поэма.
4. Эпипсихидіонъ. Поэма.
5. Адонансъ. Элегія.
6. Эллада. Лирическая драма.
7. Отрывки неоконченной драмы.

8. Карлъ Первый. Драматическіе отрывки.
9. Торжество жизни. Поэма.
10. Повѣствовательные отрывки.
11. Статьи.
- Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.
- Очеркъ жизни Шелли.

*Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу:
Контора т-ва «ЗНАНІЕ». Сиб., Невскій, 92.*

1. Эсхиль. СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ — р. 30 к.
2. Софокль. ЭДИПЪ-ЦАРЬ — » 40 »
3. Софокль. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ — » 40 »
4. Софокль. АНТИГОНА — » 40 »
5. Эврипидъ. МЕДЕЯ — » 40 »
6. Эврипидъ. ИППОЛИТЪ — » 40 »

Примѣчаніе: Всѣ шесть трагедій переведены съ греческаго Д. С. Мережковскимъ. Въ стихахъ. При каждой—портретъ автора.

7. Платонъ. ПИРЬ — » 60 »

Философская поэма. *Иллюстраціи:* снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивиада; картины шира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ“ Фейербаха.

8. Байронъ. МАНФРЕДЪ — » 40 »
9. Шелли. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ — » 50 »
10. Шелли. ЧЕНЧИ — » 50 »
11. Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТЪ 2 » — »

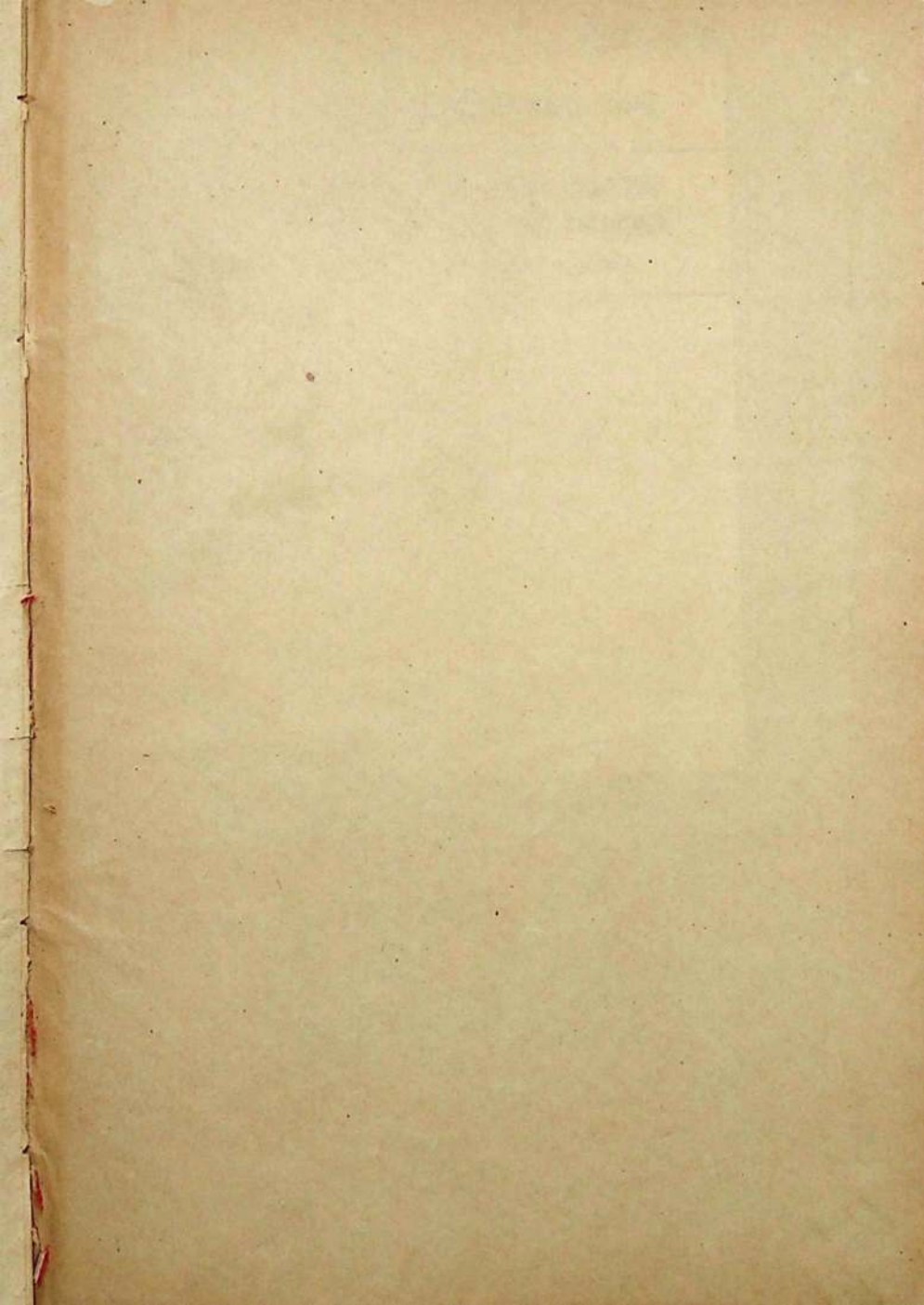
Переводъ И. А. Бунина. Въ стихахъ. *Роскошно-иллюстрированное изданіе:* около 400 рисунковъ въ текстъ; портретъ Лонгфелло и 22 большихъ рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ.

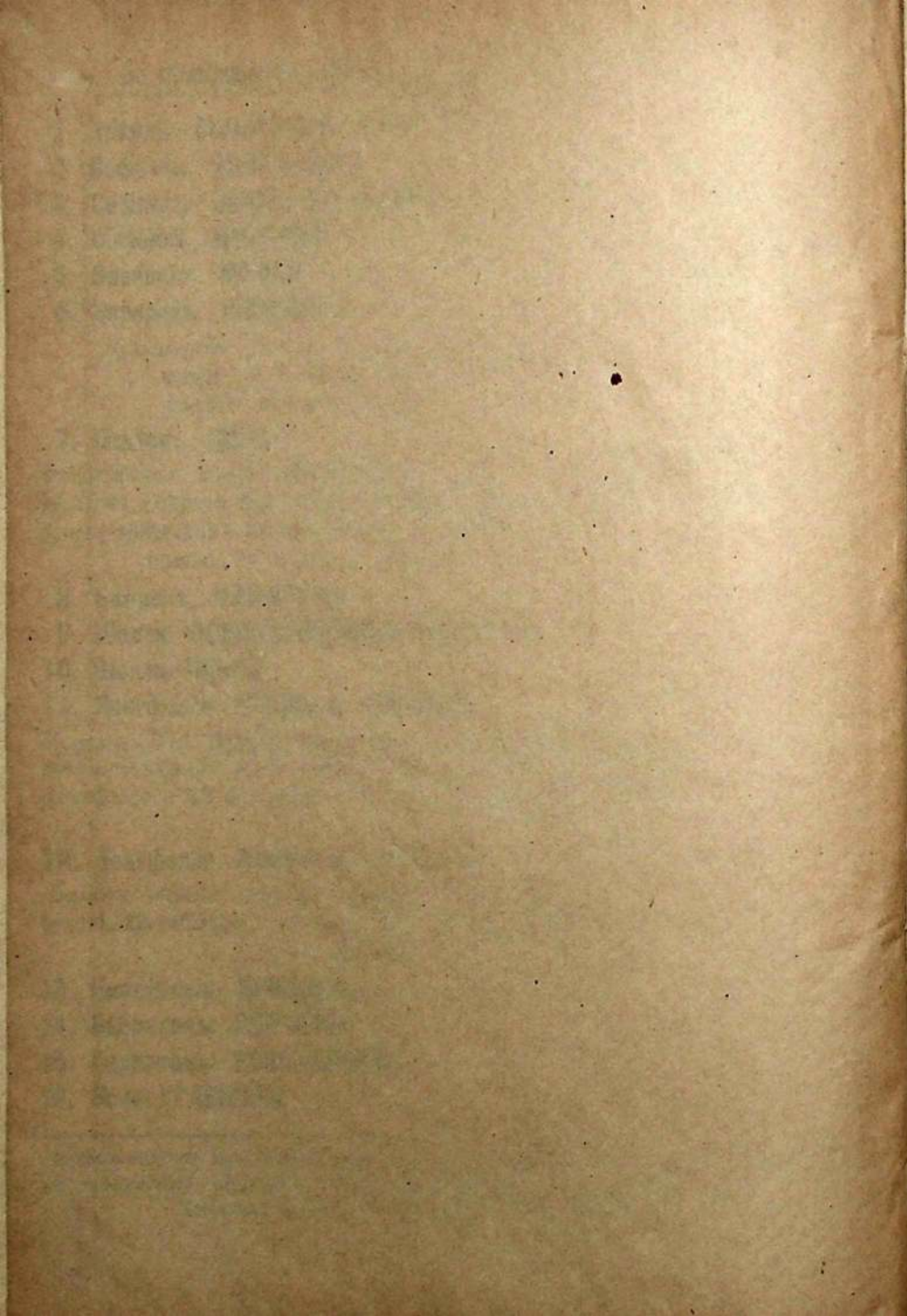
12. Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТЪ — » 80 »

Дешѣвое изданіе: тотъ-же переводъ, тѣ-же 400 рис. въ текстъ, 22 таблицы и портретъ Лонгфелло; только бумага и форматъ другіе.

13. Красинскій. ИРИДІОНЪ — » 60 »
14. Бьёрнсонъ. ПЕРЧАТКА — » 40 »
15. Гауптманъ. РОЗА БЕРНДЪ — » 50 »
16. Золя. УГЛЕКОПЫ 1 » — »

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу:
Контора т-ва «ЗНАНІЕ». Спб., Невскій, 92.

4-1

2000=00

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**

указанного здесь срока

--	--

Цѣна 50 коп.

к/х